

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 17

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2022

Редколлегия:

- И. И. Елисеева*, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН);
С. И. Бояркина, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);
К. А. Галкин, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ ФНИСЦ РАН);
Н. В. Колесник, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);
С. Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт
здоровья и благосостояния, Хельсинки, Финляндия);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);
Е. В. Тыканова, канд. соц. наук (СИ ФНИСЦ РАН);
И. Шубрт (Jiří Šubrt), д-р соц. наук, доцент
(Карлов университет, Прага, Чехия)

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

*Научное периодическое издание «Петербургская социология сегодня»
выходит с 2009 года.*

Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

*Периодическое печатное издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-55387 от 17 сентября 2013 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Индивид, семья, общество

<i>Смолева Е. О.</i> Социально-структурные характеристики копинг-стратегий населения Вологодской области	5
<i>Галкин К. А., Протасенко Т. З.</i> Особенности переживания пандемии COVID-19 в дневниковом сторителлинге информантов	26

Методология и методы анализа данных

<i>Каныгин Г. В.</i> Концептуальная интеграция исследований социально- экономической предметной области нарративными методами	43
--	----

История социологии

<i>Файнбург Г. З.</i> Творчество Захара Ильича Файнбурга и ленинградские обществоведы	62
<i>Илле М. Е.</i> Сохранение истории повседневной жизни людей — одна из важных функций социологии (на примере журнала «Телескоп»)	84

CONTENTS

Individual, Family, Society

<i>Smoleva E. O.</i> Socio-structural characteristics of coping strategies of the Vologda region population	5
<i>Galkin K. A., Protasenko T. Z.</i> Features of the COVID-19 pandemic experience in the informants' diary storytelling	26

Methodology and methods of data analysis

<i>Kanygin G. V.</i> Conceptual Integration of Studies of the Regional Economics by Narrative Methods	43
---	----

History of Sociology

<i>Fainburg G. Z.</i> Zakhar Ilyich Fainburg's scientific heritage and Leningrad sociologists	62
<i>Ille M. E.</i> Preservation of the history of people's everyday life as one of the important functions of sociology (on the example of the journal "Telescope")	84

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-17.rxrw-fw97
EDN: AEWYYY

Е. О. СМОЛЕВА

СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Целью работы является изучение стратегий преодоления стресса населением региона. В качестве информационной базы выступают данные социологического опроса населения Вологодской области (объем выборки 1500 респондентов; метод анкетирования, поквартирный обход). Составлен рейтинг копинг-стратегий населения Вологодской области. Выявлены различия в применении копинг-стратегий различными социально-демографическими группами, при этом они наиболее выражены в доходных группах. С помощью кластерного анализа осуществлена типология населения по критерию «применяемые копинг-стратегии», выделены три кластера. Приведены данные по наполняемости кластеров представителями различных социально-демографических групп. Выявлены различия между кластерами по восприятию стрессогенного характера жизни, актуальному психологическому состоянию членов. Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНИЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0013 «Социальная реальность: национальное развитие и региональные тренды».

Ключевые слова: социальный стресс, копинг-поведение (совладающее поведение), копинг-стратегии, социальная поддержка, социальные группы.

ELENA O. SMOLEVA

SOCIO-STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF COPING STRATEGIES OF THE VOLOGDA REGION POPULATION

The aim of the work is to study strategies for overcoming stress by the population of the region. The data of the sociological survey of the Vologda Oblast population (sample size of 1500 respondents; questionnaire method, apartment-by-apartment survey) act as an information base. A rating of coping strategies of the Vologda

Oblast population has been compiled. Differences in the use of coping strategies by various socio-demographic groups were revealed, while they are most pronounced in income groups. With the help of cluster analysis, the typology of the population was carried out according to the criterion “applied coping strategies”, three clusters were identified. Data on the occupancy of clusters by representatives of various socio-demographic groups are presented. The differences between the clusters in the perception of the stressful nature of life, the actual psychological state of the members are revealed. The article was prepared in accordance with the state task for the Federal State Budgetary Educational Institution of the Russian Academy of Sciences on the topic of research No. FMGZ-2022-0013 “Social reality: national development and regional trends”.

Keywords: social stress, coping behavior (coping behavior), coping strategies, social support, social groups.

В последнее время изменяющаяся социальная реальность заставляет все чаще обращаться к понятию стресса в жизни индивида, социальных групп, сообществ. И это обращение происходит как на быденном уровне, так и на научном. В разделе Social Sciences наукометрической базы Scopus за 2020–2021 гг. содержится около 52 тысяч публикаций, соответствующих поисковому запросу «stress», и 33 тысячи — по запросу «coping». За этот же период в российской библиографической базе данных научного цитирования РИНЦ представлено около 4 тысяч работ, связанных с тематикой стресса, и более 2 тысяч — с тематикой копинга (преодоления стресса). Актуализуется как проблематика развития теоретико-методологических основ исследований социального стресса, так и типологизации населения по применяемым ими копинг-стратегиям (Бояркина 2020; Опекина, Шипова 2020; Костригин, Козлова 2021).

Теоретические основы исследования

Социальный стресс можно определить как «расстройство, связанное с ограниченным групповым доступом к социальным, экономическим или личным ресурсам, используемым для борьбы с жизненными обстоятельствами» (Manojkrishnan, Aravind 2020: 8). Цель социологических исследований стресса состоит в том, чтобы привлечь внимание к социально структурированной природе стрессовых переживаний людей (Pearlin 1989) и смягчению воздействия стрессоров и их последствий с помощью эффективного преодоления или социальной поддержки (Pearlin 1989; Pearlin, Bierman 2013).

Одним из важнейших элементов концепции социального стресса является копинг-поведение, которое первоначально рассматривалось как стремление решить проблему (Murphy 1962; цит. по: Хачатурова 2013). С понятием «копинг» связывают «когнитивные и поведенческие усилия по управлению специфическими внешними и / или внутренними требованиями, которые оцениваются как обременительные или превышающие ресурсы человека» (Lazarus, Folkman 1984: 141). В концепции копинга Pearlin выдвигается основная идея, что факторы стресса, способы, которыми люди реагируют на стресс, ресурсы преодоления, которые они могут активировать, формируют социальный статус людей (Pearlin 1989; Hattberg 2020).

В механизмах преодоления стресса большая роль отводится социальной интеграции и социальной поддержке (Wortman 1984; Муздыбаев 1998; Лифинцева 2012). Социальная поддержка предоставляет индивиду условия для формирования и развития эффективных ответов на различные стрессоры внешней и внутренней среды или обеспечивает его ресурсами для решения проблем. Люди могут запрашивать поддержку, направленную на устранение стрессора, его значения или предполагаемых последствий (House, Kahn 1985; Thoits 2011). Исследования показали, что в период пандемии люди ценят поддержку друзей, членов семьи, обмен чувствами с другими людьми (Manojkrishnan, Aravind 2020).

Исследователями выделено более 400 видов копинг-поведения, что обусловило необходимость их классификации. С этой целью в научный оборот было введено понятие «копинг-стратегии» — совокупности конкретных действий по совладанию со стрессом, имеющих одинаковую направленность и опирающихся на личностные и / или средовые ресурсы (Latack, Havlovic 1992). С точки зрения направленности действий человека рассматриваются стратегии, ориентированные на саму ситуацию или на человека, испытывающего стресс (Moss, Schaefer 1986; Folkman, Lazarus 1988; Amirkhan 1999; Weber 2003). Основная классификация выделяет проблемно-фокусированные (самостоятельный или при помощи других людей рациональный анализ проблемы) и эмоционально-фокусированные стратегии, которые направлены на отвлечение от отрицательных эмоций или вовлечение других людей в свои переживания (Folkman, Lazarus 1988; Weber 2003). J. Amirkhan выделял три группы копинг-стратегий — разрешение проблем, поиск социальной поддержки и избегание (Amirkhan 1999). Эта классификация позволяет определить три вида стратегий, наиболее релевантных задачам социологического исследования.

Методы исследования

Для проведения опроса населения Вологодской области с целью изучения его копинг-стратегий была выбрана методика Д. Амирхана по следующим параметрам:

- инструментарий наименее громоздкий для выполнения поставленной задачи;

- инструментарий прошел проверку многочисленными исследованиями в русскоговорящей аудитории, правда, на целевых выборках.

В регионе опрос проводился апреле 2021 г. Вологодским научным центром РАН по репрезентативной выборке. Характеристики социологического опроса:

- модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени;

- объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов в возрасте старше 18 лет;

- метод: анкетирование; процедура случайного систематического отбора. Районирование осуществлялось по избирательным округам. При выборе районов учитывалось их географическое положение (представленность районов в разрезе север — юг, запад — восток, удаленность от областного центра), социально-экономическое положение (представленность районов с различным уровнем развития). Были выделены два города (Вологда и Череповец) и восемь районов (Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекнинский). Квоты задавались по соотношению городского и сельского населения, по полу и возрасту. Установлены следующие возрастные границы: до 30 лет; от 30 до 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин; старше 55 лет у женщин и 60 лет у мужчин. Ошибка выборки не превышает 3%.

Также в опросе жителей области, который проводился в 2018 г., задавался вопрос про восприятие частоты наличия стресса в жизни, что позволило сделать вывод на усиление стрессогенности социальной ситуации.

Техническая обработка информации произведена в программах IBM SPSS Statistics 22 и Microsoft Excel 2010:

1. Частота стрессовых ситуаций рассчитана как средние баллы по ответам на вопрос «За последний год как часто вы испытывали стрессовые ситуации» по 6-балльной шкале, где ответу «не испытывал никогда» присуждался 1 балл, а ответу «практически ежедневно» — 6 баллов.

2. Для расчетов показателей использования определенных видов копинг-поведения по методике Д. Амирхана ответ «Полностью

согласен» оценивался в 3 балла, ответ «Согласен» — в 2 балла, ответ «Не согласен» — в 1 балл. Чем меньше респондентов прибегает к отдельному виду поведения, тем ниже рассчитанный для него средний балл.

3. Факторная структура (латентные переменные) копинг-поведения населения области получена с помощью факторного анализа методом главных компонент с варимакс-вращением в программе SPSS; учитывались факторные нагрузки не менее 0,4.

4. С целью классификации жителей области по применяемым ими копинг-стратегиям проведен в программе SPSS кластерный анализ методом *K*-средних с использованием в качестве переменной данных, полученных в результате факторного анализа.

Результаты исследования

По субъективным оценкам, в 2018 г. испытывали регулярно стрессовые ситуации 30% жителей области, из них 3% — практически ежедневно, 9% — несколько раз в неделю, 18% — несколько раз в месяц. В 2021 г. уже 42% респондентов регулярно находились в ситуации стресса, из них 6% — практически ежедневно.

Для сравнения частоты попадания в стрессовые ситуации различных групп населения мы рассчитали средние баллы по ответам на вопрос «За последний год как часто вы испытывали стрессовые ситуации» по 6-балльной шкале, где ответу «не испытывал никогда» присуждался 1 балл, а ответу «практически ежедневно» — 6 баллов.

По данным опроса, явно выражено большее присутствие стресса в жизни населения региона в 2021 г., что отражено в общих показателях по региону (3,23 балла в 2021 г. против 2,86 балла в 2018 г.).

Анализ полученных данных по действиям, применяемым в ответ на ситуацию стресса, показал, что методика Дж. Амирхана является рабочей: апостериорная согласованность субшкал составляет от 0,849 до 0,904 (табл. 1).

Подсчитанные средние баллы по копинг-стратегиям составили: разрешения проблем — $22,40 \pm 4,045$; поиска социальной поддержки — $19,49 \pm 5,483$; избегания проблем — $18,86 \pm 4,618$. Если сравнить с нормами для оценки результатов теста, то оказывается, что полученные средние значения для эмпирических данных находятся на нижней границе среднего уровня по субшкалам «разрешения проблем» (22–30 баллов в методике) и «поиска социальной поддержки» (19–28 баллов), а по субшкале «избегания проблем» — в середине низкого уровня (16–23 баллов).

Таблица 1

Характеристики копинг-стратегий населения

Наименование шкалы	Среднее значение	Стандартное отклонение	Медиана	Альфа Кронбаха
Разрешения проблем	22,40	4,045	22	0,904
Поиска социальной поддержки	19,49	5,483	19	0,900
Избегания проблем	18,86	4,618	18	0,849

Рассчитано автором: методика Д. Амирхана, данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН, 2021 г.

Итак, в качестве преобладающей стратегии борьбы со стрессом население Вологодской области выбирает «разрешение проблем» (65% респондентов со средним и высоким уровнем применения стратегии; рис. 1). На втором месте находится стратегия «поиска социальной поддержки» (58%). Достаточно редко жители региона прибегают к стратегии «избегания проблем» (13%). Наполнение копинг-стратегий конкретными действиями с распределением доли респондентов, их применяющих, находится в табл. 1 приложения.

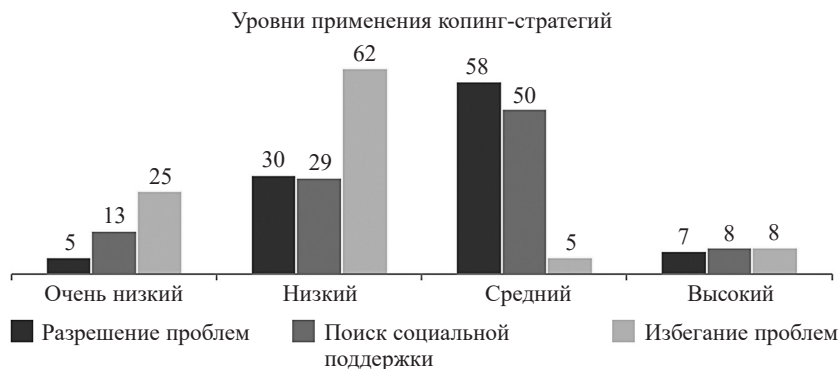

Рис. 1. Уровни применения копинг-стратегий населением Вологодской области, в % от опрошенных

Рассчитано автором: методика Д. Амирхана, данные опроса общественного мнения ВолНЦ РАН, 2021 г.

Так как в ходе социологического опроса населения области в феврале 2021 г. были получены данные о росте симптоматики тревожных и депрессивных расстройств*, то для нас представляло интерес выделение групп респондентов, различающихся по применяемым стратегиям и психическому самочувствию. Проведение кластерного анализа методом *K*-средних на основе средних значений пунктов методики не позволило выделить кластеры, которые можно осмыслить с точки зрения социологии адаптаций. Поэтому было принято решение о выделении кластеров на основе переменных, полученных в результате факторизации (выделения латентных переменных). Была оценена возможность проведения факторного анализа при помощи критерия адекватности выборки Кайзера — Майера — Олкина (составляет 0,941). С помощью факторного анализа в программе SPSS на эмпирических данных построена четырехфакторная модель копинг-поведения. Объясненная совокупная дисперсия — 58%; проверка внутренней надежности каждой из шкал с помощью коэффициента альфа Кронбаха показала высокую внутреннюю согласованность (показатели больше 0,76). Далее среди населения области были выделены три группы, различающиеся по использованию копинг-стратегий с использованием кластеризации методом *K*-средних в программе SPSS.

К первому кластеру относятся жители области, чаще других использующие в ситуации стресса стратегию избегания проблем в сочетании с поиском социальной поддержки (объем кластера — 37% респондентов). ТОП-10 самых применяемых действий в ситуации стресса у населения, входящего в первый кластер, составляют два вида поведения, направленного на избегание проблем, три вида — разрешения проблем, и пять образцов поведения, направленного на поиск социальной поддержки (табл. 2). При этом поведение по избеганию проблем в виде попыток отвлечься от проблемы (средний балл 2,174) и переключиться на занятие хобби или спортом (средний балл 2,043) занимает первое и четвертое места в рейтинге копинг-действий. Также представители первого кластера охотно принимают помощь от друзей и родственников (2-е место в рейтинге; средний балл 2,069), позволяют себе поделиться чувством с другом (5-е место в рейтинге; средний балл 2,025) и в целом ищут эмоциональной поддержки. Из стратегии разрешения проблем первый кластер предпринимает попытки решить

* Смолева Е. О. Общественное психическое здоровье: взгляд социолога // Доклад на XXXIII Ясинской международной научно-практической конференции по проблемам развития экономики и общества. — URL: <https://conf.hse.ru/2022/program#Q> (дата обращения: 26.08.2022).

проблему (3-е место; средний балл 2,065), прибегает к размышлению и планированию действий, чтобы исправить положение.

Во второй кластер входит население региона, которое активной использует социальную и эмоциональную поддержку для преодоления стресса (34%). Представители второго кластера в ситуации стресса чаще выбирают поиск эмоциональной поддержки: разделить чувства с другом (1-е место в рейтинге; средний балл 2,432), в том числе свои страхи (6-е место; средний балл 2,121) и принять сочувствие (8-е место; средний балл 2,025), а также получить совет (7-е место; средний балл 2,051). Второе — пятое места в рейтинге занимают действия по разрешению проблемы, а именно получение возможности наилучшим образом решить проблему (2-е место; средний балл 2,321), выбор и поиск всех возможных решений, пока не найдется подходящее.

Третий кластер образуют жители области, которые в ситуации стресса нацелены на решение проблемы самостоятельно, без помощи других людей (29%). Все десять наиболее востребованных ими действий по улучшению ситуации относятся к стратегии разрешения проблем. При этом все виды поведения имеют достаточно высокие средние баллы: от «пытаюсь тщательно планировать свои действия, а не действовать импульсивно под влиянием внешнего побуждения» (10-е место; средний балл 1,974) до «пытаюсь решить проблему» (1-е место; средний балл 2,142).

Таблица 2

**Рейтинг копинг-стратегий населения Вологодской области
в разрезе кластеров, виды копинг-действий (средний балл)**

КЛАСТЕР 1	КЛАСТЕР 2	КЛАСТЕР 3
Пытаюсь отвлечься от проблемы (2,174)	Позволяю себе поделиться чувством с другом (2,432)	Пытаюсь решить проблему (2,142)
Принимаю помощь от друзей или родственников (2,069)	Стараюсь все сделать так, чтобы иметь возможность наилучшим образом решить проблему (2,321)	Обдумываю про себя план действий (2,121)
Пытаюсь решить проблему (2,065)	Очень тщательно взвешиваю возможности выбора (2,256)	Очень тщательно взвешиваю возможности выбора (2,119)

Табл. 2 (окончание)

КЛАСТЕР 1	КЛАСТЕР 2	КЛАСТЕР 3
Переключаюсь на хобби или занимаюсь спортом, чтобы избежать проблем (2,043)	Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять (2,250)	Стараюсь все сделать так, чтобы иметь возможность наилучшим образом решить проблему (2,114)
Позволяю себе поделиться чувством с другом (2,025)	Пытаюсь различными способами решать проблему, пока не найду подходящий (2,181)	Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять (2,062)
Думаю о том, что нужно сделать, чтобы исправить положение (2,002)	Доверяю свои страхи родственнику или другу (2,121)	Думаю о том, что нужно сделать, чтобы исправить положение (2,040)
Ищу успокоения у тех, кто знает меня лучше (1,992)	Иду к другу за советом — как исправить ситуацию (2,051)	Пытаюсь различными способами решать проблему, пока не найду подходящий (2,026)
Иду к другу за советом — как исправить ситуацию (1,985)	Принимаю сочувствие, взаимопонимание друзей (2,025)	Сосредотачиваюсь полностью на решении проблемы (2,014)
Пытаюсь тщательно планировать свои действия, а не действовать импульсивно под влиянием внешнего побуждения (1,985)	Думаю о том, что нужно сделать, чтобы исправить положение (2,103)	Ставлю для себя ряд целей, позволяющих постепенно справиться с ситуацией (2,000)
Доверяю свои страхи родственнику или другу (1,981)	Делаю все возможное, чтобы не дать окружающим увидеть, что мои дела плохи (2,043)	Пытаюсь тщательно планировать свои действия, а не действовать импульсивно под влиянием внешнего побуждения (1,974)

Примечание. Рассчитано автором по данным за 2021 г. Копинг-стратегии выделены цветом: стратегия разрешения проблем, стратегия поиска социальной поддержки, стратегия избегания проблем.

Анализ средних значений по субшкалам подтверждает основные признаки выделенных кластеров (табл. 3). Наибольшие различия в кластерах наблюдаются по шкалам поиска социальной поддержки (разброс средних значений от 17,58 до 28,86 баллов) и избегания проблем (разброс от 18,12 до 27,86 баллов). Наиболее ровные результаты мы получили по шкале разрешения проблем: кластер 1 — $21,86 \pm 3,60$; кластер 2 — $21,49 \pm 3,27$; кластер 3 — $23,69 \pm 4,25$ балла. Полученные результаты можно объяснить большей однородностью формулировок вопросов, образующих шкалу разрешения проблем, и, возможно, влиянием социальной одобряемости ответов, направленных на решение проблемы.

Таблица 3

Характеристики копинг-стратегий населения Вологодской области в разрезе кластеров, среднее значение и стандартное отклонение

Наименование кластера	Шкала разрешения проблем	Шкала поиска социальной поддержки	Шкала избегания проблем
Кластер 1	$21,86 \pm 3,60$	$28,86 \pm 2,91$	$27,86 \pm 3,37$
Кластер 2	$21,49 \pm 3,27$	$22,61 \pm 4,38$	$18,12 \pm 3,96$
Кластер 3	$23,69 \pm 4,25$	$17,58 \pm 5,49$	$18,30 \pm 4,94$

Опишем особенности применения копинг-стратегий в кластерах (обобщенные данные представлены в табл. 2 приложения).

Стратегию «разрешения проблем» как один из вариантов поведения чаще других выбирают представители второго кластера (самые высокие средние баллы). Респонденты, входящие в первый кластер, наоборот, реже других прибегают к этой стратегии. Различия между группами статистически значимы, за исключением следующих действий:

- «думаю о том, что нужно сделать, чтобы исправить положение»;
- «сосредотачиваюсь полностью на решении проблемы»;
- «пытаюсь тщательно планировать свои действия, а не действовать импульсивно под влиянием внешнего побуждения».

Стратегию «поиска социальной поддержки» как один из вариантов поведения также чаще других выбирают представители второго

кластера (самые высокие средние баллы), при этом упор делается на эмоциональную поддержку. Реже других прибегают к этой стратегии респонденты, входящие в третий кластер. Различия между группами статистически значимы.

К стратегии «избегания проблем» охотнее обращаются представители первого кластера, причем их действия могут носить конструктивный характер (хобби, спорт). Также они чаще респондентов из других групп компенсируют негативные переживания увеличением продолжительности сна или уходом в мир фантазий. Одновременно респонденты, входящие в эту группу, чаще хотят, чтобы во время проживания ситуации стресса люди оставили их в одиночестве (средний балл 1,906). Даже представители третьего кластера, которые, можно сказать, в большинстве своем отказываются от поиска социальной поддержки, реже прибегают к этим действиям.

Наполняемость кластеров по гендерному признаку равномерная, соответствует распределению респондентов по кластерам (табл. 4). Среди молодежи в возрасте до 30 лет прослеживается факт большего наполнения второго кластера (39%), т. е. молодежь склонна обращаться за социальной и эмоциональной поддержкой в ситуации стресса и, напротив, менее склонна придерживаться стратегии избегания проблем в сочетании с поддержкой (24%). Еще одним значимым фактом является большая наполненность третьего кластера среди лиц с высшим и неоконченным высшим образованием (36%). Наиболее ярко различие в наполненности кластеров проявилось в доходных группах. Так, наиболее обеспеченные жители области относятся к третьему (40%) и второму (36%) кластерам, только 24% входит в первый кластер, т. е. они охотнее прибегают к стратегии решения проблем или обращения за поддержкой. Среди среднеобеспеченных жителей наблюдается приблизительно равномерное распределение по группам: 33% в первом кластере, 36% — во втором, и 31% — в третьем. Население, относящееся к наименее обеспеченным слоям, более склонно к избеганию проблем при внешней поддержке (54% входит в первый кластер). Низкий доход трудно сочетается с самостоятельным решением проблемной ситуации, вызывающей стресс, — только 19% наименее обеспеченных жителей входит в третий кластер. Также жители г. Череповца чаще прибегают к стратегии разрешения проблем: более половины из них (53%) входят в третий кластер. Среди жителей г. Вологды и районов только каждый пятый принадлежит к этому кластеру (21 и 20% соответственно).

Таблица 4

**Наполненность кластеров применяемых копинг-стратегий
в разрезе социально-демографических групп (в % от опрошенных)**

Категория населения	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
<i>Пол</i>			
Мужской	36,3	32,8	30,9
Женский	37,9	34,3	27,7
<i>Возраст</i>			
До 30 лет	36,7	39,1	24,2
30–55 лет	35,8	33,0	31,2
Старше 55 лет	39,1	32,3	28,5
<i>Образование</i>			
Н/среднее и среднее	40,0	35,2	24,8
Среднее специальное	38,0	35,1	26,9
Н/высшее и высшее	33,4	30,2	36,4
<i>Доходные группы</i>			
20% наименее обеспеченных	54,1	26,7	19,2
60% среднеобеспеченных	33,1	36,4	30,6
20% наиболее обеспеченных	24,3	36,5	39,6
<i>Территории</i>			
Вологда	42,8	36,2	21,0
Череповец	26,2	20,7	52,5
Районы	40,2	39,8	20,0
Область	37,2	33,6	29,2

Представители кластеров различаются по своему актуальному психологическому состоянию. В третьем кластере больше респондентов, позитивно оценивающих свое настроение (82%; рис. 2). Для второго кластера этот показатель составляет 77%. Для первого — всего 63%, а актуальное на момент опроса состояние каждого третьего было негативным: респонденты отмечали, что испытывают напряжение, раздражение (29%) или страх, тоску (8%).

У представителей первого кластера чаще создавалось впечатление, что они находятся в ситуации стресса. Среди них заявляли о регулярном наличии ситуаций стресса 52% по сравнению с 33% респондентов, входящих во второй кластер, и 40% — в третий (рис. 3). Средний балл частоты стресса для первого кластера составляет 3,40, второго — 3,13, и третьего — 3,14 (различия статистически значимы при $p < 0,01$). Можно

предположить, что стратегия избегания проблем заставляет чаще наклеивать на ситуации ярлык стресса, так как возникает тревожность по поводу необходимости снова принимать решение в случае повторения этих ситуаций в жизни. Если в ответ на ситуацию стресса человек обращается за социальной поддержкой или самостоятельно разрешает проблему, то полученный результат — снижение тревожности, улучшение психологического состояния — закрепляет действующий образец поведения и снижает в дальнейшем остроту восприятия ситуации как трудной.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос:
«Что бы вы могли сказать о своем настроении в последние дни?»
по кластерам (в % от числа ответивших на вопрос)

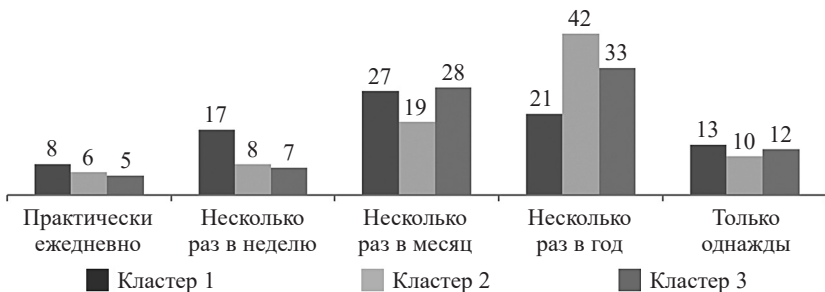

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос:
«За последний год как часто вы испытывали стрессовые ситуации?»
по кластерам (в % от числа ответивших на вопрос)

Среди второго и третьего кластера больше респондентов, которых вполне или по большей части устраивает их жизнь (41%; рис. 4). При этом жители области, входящие во второй кластер, а именно опирающиеся на социальную и эмоциональную внешнюю поддержку, в меньшей мере жалуются, что жизнь их не устраивает по большей части или совершенно. В первом кластере меньше удельный вес респондентов, отмечающих, что их устраивает жизнь, которую они сейчас ведут (35%). Также каждый четвертый (26%) представитель первого кластера заявляет, что на текущий момент его жизнь не устраивает.

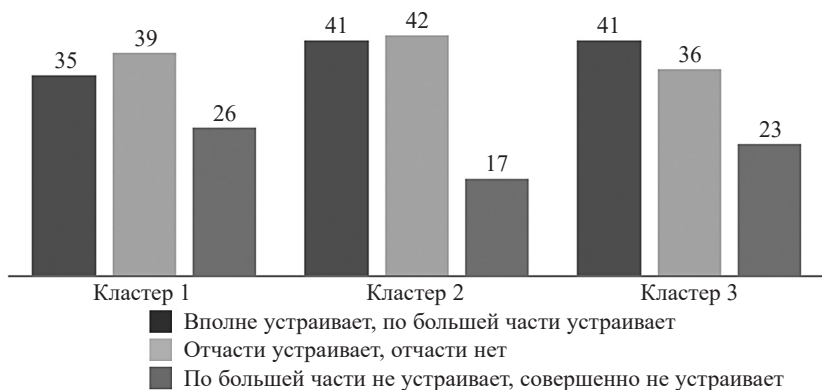

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Если говорить в целом, в какой мере вас устраивает сейчас жизнь, которую вы ведете?» по кластерам (в % от числа ответивших на вопрос)

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Увеличился удельный вес населения региона, которое воспринимает 2020–2021 гг. как наполненные ситуациями стресса. В качестве преобладающих стратегий борьбы со стрессом население Вологодской области выбирает «разрешение проблем» и «поиск социальной поддержки». Достаточно редко жители региона прибегают к стратегии «избегания проблем». Необходимо в дальнейших исследованиях уточнить следующие моменты: присутствует ли в данном результате влияние выбора социально одобряемых ответов и насколько сильно на согласованность шкал — типов копинг-стратегий влияет схожесть формулировок ответов.

2. Жители области распределяются по трем кластерам в зависимости от доминирующих копинг-стратегий: «избегаем проблем — ищем

социальную поддержку», «ищем социальную и эмоциональную поддержку», «самостоятельно разрешаем проблемы». Самый многочисленный первый кластер характеризуется более частым отнесением проблемных жизненных ситуаций к стрессу, самым высоким удельным весом представителей с негативным психическим самочувствием. В него чаще попадают наименее обеспеченные жители области, а также население г. Вологды и районов. Второй кластер опирается на внешние ресурсы и чувствует себя наиболее благополучно в психологическом плане. Среди его членов меньше тех, кого не устраивает их жизнь. Следовательно, внешние ресурсы для населения региона играют значительную роль в формировании копинг-стратегий — преодолении жизненных трудностей. Третий кластер образуют наиболее агентные представители территориального сообщества. Они нацелены решать свои проблемы самостоятельно и, скорее всего, обладают необходимыми для этого ресурсами, так как в третьем кластере выше удельный вес респондентов с высшим образованием и наиболее обеспеченных, а также жителей г. Череповца.

Актуальность исследования социального стресса и способов совладания с ним не снижается, поэтому планируются следующие направления исследований:

- анализ копинг-поведения населения как ответа на стрессоры макро- и мезоуровня, которым является сегодняшняя геополитическая ситуация и ее последствия, последствия пандемии COVID-19;

- изучение роли хронических стрессоров: социального статуса (несоответствие между деятельностью и доходом), несоответствие между стремлением к цели и фактическим достижением и образ жизни (например, как несоответствие между потребительским поведением и социальным классом).

Источники

Бояркина С. И. Копинг в ситуации болезни: библиометрический анализ научного дискурса // Петербургская социология сегодня. — 2020. — № 13/14. — С. 132–152.

Костригин А. А., Козлова Л. В. Особенности переживания стресса, психологических защит и копинг-стратегий у молодежи, вызванных угрозой заболевания COVID-19 // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: Сер. «Познание». — 2021. — № 3. — С. 56–59.

Лифинцева А. А. Социальная поддержка как фактор преодоления негативных последствий стресса // Вестник Балтийского федерального ун-та им. И. Канта. — 2012. — Вып. 5. — С. 56–61.

Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. 1, вып. 2. — С. 3–14.

Опекина Т. П., Шипова Н. С. Семья в период самоизоляции: стрессы, риски и возможности совладания // Вестник Костромского государственного ун-та: Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». — 2020. — № 3. — С. 121–128.

Хачатурова М. Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований // Психология: Журнал Высшей школы экономики. — 2013. — № 3. — С. 160–169.

Amirkhan J. H. Seeking person-related predictors of coping: Exploratory analyses // *European Journal of Personality*. — 1999. — Vol. 4. — P. 13–30.

Folkman S., Lazarus R. S. Coping as a mediator of emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1988. — Vol. 54, No. 3. — P. 466–475.

Hatteberg S. “There’s no way I can do all of this”: The Perceived Impacts of Stress // *Journal of Issues in Intercollegiate Athletics*. — 2020. — Special Issue. — P. 7–28.

House J. S., Kahn R. L. Measures and concepts of social support // S. Cohen, S. L. Syme (eds.). *Social support and health*. — Orlando, FL: Academic Press, 1985. — P. 79–108.

Latack J. C., Havlovic S. J. Coping with job stress: A conceptual evaluation frame-work for coping measures // *Journal of Organizational Behavior*. — 1992. — Vol. 13, No. 5. — P. 479–508.

Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. — New York, NY: Springer, 1984.

Manojkrishnan C. G., Aravind M. Covid-19 Pandemic and its Impact on Labor Force: A New Model Based on Social Stress Theory and Prospect Theory // *Scientific Papers of the University of Pardubice, Series D: Faculty of Economics and Administration*. — 2020. — Vol. 28, No. 3. — P. 1070.

Moos R. H., Schaefer J. A. *Life Transitions and Crises* // R. H. Moos (ed.). *Coping with Life Crises. The Springer Series on Stress and Coping*. — Boston, MA: Springer, 1986. — P. 3–28.

Pearlin L. I. The Sociological Study of Stress // *Journal of Health and Behavioral Science*. — 1989. — Vol. 30. — P. 241–256.

Pearlin L. I., Bierman A. Current Issues and Future Directions in Research into the Stress Process // *Handbook of the Sociology of Mental Health*. — 2nd ed. — New York, Springer, 2013. — P. 325–340.

Thoits P. A. Resisting the Stigma of Mental Illness // *Social Psychology Quarterly*. — 2011. — Vol. 74, No. 1. — P. 6–28.

Weber H. Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations // *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*. — 2003. — Vol. 16, No. 2. — P. 133–153.

Wortman C. B. Social support and the cancer patient: conceptual and methodological issues // *Supplement to Cancer*. — 1984. — Vol. 53. — P. 2339–2360.

References

Amirkhan J. H. Seeking person-related predictors of coping: Exploratory analyses. *European Journal of Personality*, 1999, no. 4, pp. 13–30.

Boyarkina S. I. Coping with disease: a bibliometric analysis of scientific discourse. *St. Petersburg Sociology Today*, 2020, no. 13/14, pp. 132–152. (In Russ.)

- Folkman S., Lazarus R. Coping as a mediator of emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1988, vol. 54, no. 3, pp. 466–475.
- Khachaturova M. R. Coping repertoire of personality: a review. Psychology. *Journal of the Higher School of Economics*, 2013, no. 10 (3), pp. 160–169. (In Russ.)
- Hatteberg S. “There’s no way I can do all of this”: The Perceived Impacts of Stress. *Journal of Issues in Intercollegiate Athletics*, 2020, special issue, pp. 7–28.
- House J. S., Kahn R. L. Measures and concepts of social support. In S. Cohen, S. L. Syme (eds.). *Social support and health*. Orlando, FL, Academic Press, 1985, pp. 79–108.
- Kostrigin A. A., Kozlova L. V. Features of stress, psychological defense mechanisms and coping strategies in youth caused by the threat of COVID-19 disease. *Modern Science: actual problems of theory and practice*, 2021, no. 03, pp. 56–59. (In Russ.)
- Latack J. C., Havlovic S. J. Coping with job stress: A conceptual evaluation framework for coping measures. *Journal of Organizational Behavior*, 1992, no. 13 (5), pp. 479–508.
- Lazarus R. S., Folkman S. *Stress, Appraisal and Coping*. New York, NY, Springer, 1984.
- Lifintseva A. A. Social support as a factor in overcoming the negative consequences of stress. *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant*, 2012, no. 5, pp. 56–61. (In Russ.)
- Manojkrishnan C. G., Aravind M. Covid-19 Pandemic and its Impact on Labor Force: A New Model Based on Social Stress Theory and Prospect Theory. *Scientific Papers of the University of Pardubice, Series D: Faculty of Economics and Administration*, 2020, no. 28 (3), p. 1070.
- Moos R. H., Schaefer J. A. Life Transitions and Crises. In: Moos R. H. (ed.). *Coping with Life Crises. The Springer Series on Stress and Coping*. Boston, MA, Springer, 1986, pp. 3–28.
- Muzdybaev K. The coping strategy with life’s difficulties. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1998, no. 1 (2), pp. 3–14. (In Russ.)
- Opekina T. P., Shipova N. S. Family in lockdown: stress, risks and coping opportunities. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2020, no. 26 (3), pp. 121–128. (In Russ.)
- Pearlin L. I. The Sociological Study of Stress. *Journal of Health and Behavioral Science*, 1989, no. 30, pp. 241–256.
- Pearlin L. I., Bierman A. Current Issues and Future Directions in Research into the Stress Process. In: *Handbook of the Sociology of Mental Health*, 2nd ed., New York, Springer, 2013, pp. 325–340.
- Thoits P. A. Resisting the Stigma of Mental Illness. *Social Psychology Quarterly*, 2011, no. 74 (1), pp. 6–28.
- Weber H. Breaking the rules: Personal and social responses to coping norm-violations. *Anxiety, Stress and Coping: An International Journal*, 2003, no. 16 (2), pp. 133–153.
- Wortman C. B. Social support and the cancer patient: conceptual and methodological issues. *Supplement to Cancer*, 1984, no. 53, pp. 2339–2360.

Смолева Елена Олеговна, старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия. riolenas@rambler.ru

Smoleva Elena O., Senior Researcher. Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia. riolenas@rambler.ru

Приложение 1

Таблица 1

Рейтинг копинг-стратегий населения Вологодской области

№	Формулировка вопроса	Полностью согласен, %	Согласен, %	Не согласен, %	Средний балл
1	Стараюсь все сделать так, чтобы иметь возможность наилучшим образом решить проблему	24,6	64,4	11,1	2,137
2	Очень тщательно взвешиваю возможности выбора	25,6	59,3	15,1	2,105
3	Пытаюсь решить проблему	25,2	59,7	15,1	2,101
4	Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять	22,8	62,4	14,8	2,080
5	Позволяю себе поделиться чувством с другом	27,1	52,8	20,0	2,069
6	Думаю о том, что нужно сделать, чтобы исправить положение	19,8	66,0	14,3	2,057
7	Пытаюсь различными способами решать проблему, пока не найду подходящий	19,5	64,5	16,0	2,035
8	Иду к другу, чтобы он помог мне лучше почувствовать проблему	14,6	43,4	42,0	2,026
9	Обдумываю про себя план действий	20,2	61,1	18,7	2,015
10	Ставлю для себя ряд целей, позволяющих постепенно справляться с ситуацией	19,8	61,0	19,2	2,006
11	Сосредотачиваюсь полностью на решении проблемы	18,5	62,1	19,4	1,991
12	Пытаюсь тщательно планировать свои действия, а не действовать импульсивно под влиянием внешнего побуждения	17,3	62,3	20,3	1,968
13	Делаю все возможное, чтобы не дать окружающим увидеть, что мои дела плохи	19,2	54,4	26,4	1,928
14	Стою твердо и борюсь за то, что мне нужно в этой ситуации	15,9	58,6	25,5	1,904
15	Пытаюсь отвлечься от проблемы	19,8	50,6	29,6	1,902

Табл. 1 (окончание)

№	Формулировка вопроса	Полностью согласен, %	Согласен, %	Не согласен, %	Средний балл
16	Принимаю помощь от друзей или родственников	16,9	54,7	28,4	1,885
17	Доверяю свои страхи родственнику или другу	17,9	50,2	32,0	1,861
18	Мечтаю, фантазирую о лучших временах	19,3	45,4	35,3	1,840
19	Ищу успокоения у тех, кто знает меня лучше	16,5	50,6	32,9	1,836
20	Иду к другу за советом — как исправить ситуацию	15,2	52,0	32,8	1,824
21	Принимаю сочувствие, взаимопонимание друзей	14,2	48,2	37,6	1,766
22	Принимаю сочувствие и понимание от кого-либо	13,4	45,6	41,0	1,724
23	Переключаюсь на хобби или занимаюсь спортом, чтобы избежать проблем	14,5	41,5	44,0	1,705
24	Обсуждаю ситуацию с людьми, так как обсуждение помогает мне чувствовать себя лучше	12,1	42,8	45,1	1,67
25	Рассказываю другим людям о ситуации, так как только ее обсуждение помогает мне прийти к ее разрешению	12,2	40,0	47,8	1,644
26	Больше времени, чем обычно, провожу один	15,6	32,7	51,7	1,639
27	Иду к кому-нибудь (другу или специалисту), чтобы он помог мне чувствовать себя лучше	13,3	36,3	50,4	1,629
28	Смотрю телевизор дольше, чем обычно	13,1	33,6	53,3	1,598
29	Фантазирую о том, что все могло бы быть иначе	12,7	34,1	53,2	1,595
30	Хочу, чтобы люди оставили меня одного	13,1	30,7	56,2	1,569
31	Избегаю общения с людьми	9,7	29,5	60,9	1,490
32	Сплю больше обычного	10,1	27,8	62,0	1,479
33	Представляю себя героем книги или кино	8,2	23,3	68,5	1,397

Примечание. Копинг-стратегии выделены цветом: стратегия разрешения проблем, стратегия поиска социальной поддержки, стратегия избегания проблем.

Таблица 2

**Сравнение применения копинг-стратегий:
население Вологодской области в разрезе кластеров**

Формулировка вопроса	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Критерий Краскела — Уоллиса
Стратегия «разрешения проблем»				
Стараюсь все сделать так, чтобы иметь возможность наилучшим образом решить проблему	1,985	2,321	2,114	84,4*
Очень тщательно взвешиваю возможности выбора	1,948	2,256	2,119	60,1*
Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять	1,929	2,250	2,062	67,5*
Пытаюсь различными способами решать проблему, пока не найду подходящий	1,903	2,181	2,026	54,7*
Думаю о том, что нужно сделать, чтобы исправить положение	2,025	2,103	2,040	5,28 p = 0,071
Ставлю для себя ряд целей, позволяющих постепенно справляться с ситуацией	1,915	2,098	2,000	21,6*
Обдумываю про себя план действий	1,902	2,051	2,121	31,5*
Сосредотачиваюсь полностью на решении проблемы	1,926	2,037	2,014	8,9 p = 0,011
Пытаюсь решить проблему	2,165	1,994	2,142	19,7*
Стою твердо и борюсь за то, что мне нужно в этой ситуации	1,918	1,988	1,789	20,2*
Пытаюсь тщательно планировать свои действия, а не действовать импульсивно под влиянием внешнего побуждения	1,985	1,938	1,974	1,61 p = 0,448
Стратегия «поиск социальной поддержки»				
Позволяю себе поделиться чувством с другом	2,002	2,432	1,745	232,5*
Принимаю сочувствие и понимание от кого-либо	1,818	1,965	1,321	228,3*
Обсуждаю ситуацию с людьми, так как обсуждение помогает мне чувствовать себя лучше	1,800	1,790	1,364	124,4*
Доверяю свои страхи родственнику или другу	1,981	2,121	1,397	279,8*

Табл. 2 (окончание)

Формулировка вопроса	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Критерий Краскела — Уоллиса
Рассказываю другим людям о ситуации, так как только ее обсуждение помогает мне прийти к ее разрешению	1,877	1,712	1,260	212,4*
Иду к кому-нибудь (другу или специалисту), чтобы он помог мне чувствовать себя лучше	1,829	1,781	1,180	257,9*
Иду к другу за советом — как исправить ситуацию	1,965	2,035	1,399	247,7*
Иду к другу, чтобы он помог мне лучше почувствовать проблему	1,954	1,975	1,132	463,0*
Принимаю сочувствие, взаимопонимание друзей	1,935	2,025	1,245	371,5*
Принимаю помощь от друзей или родственников	2,069	1,983	1,534	172,2*
Ищу успокоения у тех, кто знает меня лучше	1,992	1,534	1,556	102,4*
Стратегия «избегания проблем»				
Пытаюсь отвлечься от проблемы	2,174	1,855	1,662	124,9*
Делаю все возможное, чтобы не дать окружающим увидеть, что мои дела плохи	1,875	2,043	1,859	21,5*
Мечтаю, фантазирую о лучших временах	1,752	1,990	1,795	28,2*
Больше времени, чем обычно, провожу один	1,844	1,627	1,411	87,4*
Смотрю телевизор дольше, чем обычно	1,846	1,537	1,348	132,2*
Избегаю общения с людьми	1,818	1,246	1,359	223,7*
Переключаюсь на хобби или занимаюсь спортом, чтобы избежать проблем	2,043	1,471	1,536	197,2*
Сплю больше обычного	1,885	1,293	1,177	344,2*
Фантазирую о том, что все могло бы быть иначе	1,896	1,352	1,352	182,6*
Представляю себя героем книги или кино	1,806	1,168	1,144	366,5*
Хочу, чтобы люди оставили меня одного	1,906	1,283	1,483	209,5*

* Асимптотическая значимость $p = 0,000$.

К. А. ГАЛКИН, Т. З. ПРОТАСЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19 В ДНЕВНИКОВОМ СТОРИТЕЛЛИНГЕ ИНФОРМАНТОВ

В статье обобщается влияние пандемии на поведение жителей городов. Центральное место в статье отводится трем описаниям жизни в период пандемии, которые информанты добровольно передали авторам этой работы для публикации. По своей сути, эти описания — не что иное, как дневниковый сторителлинг, осмысление людьми разного пола и возраста их взаимодействий между собой, семьей, друзьями и системой здравоохранения. Часто помимо пациентов дневников у исследователей нет источников для анализа и описания жизни в условиях пандемии. Привычные методы социологической интерпретации оказываются неэффективны, и исследователю необходим принципиально новый подход к восприятию и анализу материала. То, что мы используем метод дневникового сторителлинга, позволяет понять проблемы и переживания информантов непосредственно от них самих, без участия исследователя. Информанты рассказывают об особенностях жизни в период пандемии, задают вопросы и создают дискуссии, дают советы для себя и для всех, кто может попасть в аналогичную ситуацию. Каждый рассказ сопровождается кратким комментарием авторов статьи.

Ключевые слова: исследования пандемии, сторителлинг, интерпретация интервью, особенности жизни людей в период пандемии, истории о жизни в период пандемии.

KONSTANTIN A. GALKIN, TATYANA Z. PROTASENKO

FEATURES OF THE COVID-19 PANDEMIC EXPERIENCE IN THE INFORMANTS' DIARY STORYTELLING

The article summarizes the impact of the pandemic on the behavior of urban residents. The central place in the article is given to three descriptions of life during the pandemic, which the informants voluntarily submitted to the author of this work for publication. At its core, these descriptions are nothing more than diary storytelling, the comprehension of people of different genders and ages of their interactions with each other, family, friends and the healthcare system. Often, in addition to patient diaries, researchers do not have sources for analyzing and describing life in a pandemic. The usual methods of sociological interpretation are ineffective, and

the researcher needs a fundamentally new approach to the perception and analysis of the material. The fact that we use the method of diary storytelling allows us to understand the problems and experiences of informants directly from themselves, without the participation of a researcher. Informants talk about the peculiarities of life during the pandemic, ask questions and create discussions, give advice for themselves and for anyone who may find themselves in a similar situation. Each story is accompanied by a brief comment by the authors of the article.

Keywords: pandemic research, storytelling, interpretation of interviews, features of people's lives during the pandemic, stories about life during the pandemic.

Введение

Пандемия COVID-19 представляет собой новый глобальный вызов для всего человечества. Она затронула практически все сферы жизни и, по сути, в корне изменила привычную повседневность людей и прежние режимы. Один из наиболее проблемных эффектов, который оказала пандемия COVID-19 в целом, это проблема исключения, замкнутости, отсутствия мобильности и возможностей для встреч и привычных дел (Ярская и др. 2021; Christin et al. 2021).

Ситуация пандемии и особые режимы в пространствах, которые она задает, лишают людей прежней адаптивности, активности и возможности быть интегрированными, включенными в среду. Изменяется и трансформируется устоявшаяся система ценностей прежних контактов взаимодействия и коммуникации людей, что отражается на специфике психологического и физиологического здоровья людей, на восприятии прежних пространств и болезненном восприятии потери связей (Paska 2021).

Остановимся на главных тенденциях, которые наблюдались в мире, России и Санкт-Петербурге до периода пандемии, т. е. до 2020 г., — это расширение пространства свободы, прежде всего в потребительской сфере, увеличение мобильности различного уровня.

Если рассматривать сферу семейных отношений, быта, досуга, то следует отметить изменения пространственных координат повседневности. Функции квартиры (жилья) сужались, поскольку во внешний мир за ее пределы уходили многие составляющие сферы досуга и потребления (в том числе питания). Появились общественные пространства, которые замкнули на себя многие функции потребления (фудкорты, зоны игр и общения и даже зоны возможности для работы в удаленном режиме, книжные клубы). Стали создаваться так называемые кванториумы — места для обучения школьников различного

рода компетенциям. Небольшие кафе и рестораны стали популярными для посещения вечером целыми семьями. Вместо домашнего ужина люди шли в эти заведения. Жилье оставалось местом для пассивного отдыха (прежде всего сна), приема пищи, времени общения с членами семьи и т. п.

На фоне пандемии резко усиливается роль государства, особенно в плане его контролирующих функций. Государство вторгается во все сферы жизни человека. Последствия иногда трудно просчитать.

Через два года распространения пандемии можно констатировать: уровень неопределенности в обществе действительно увеличился как в целом, так и в отдельных его сегментах, в том числе в семье и в семейных отношениях.

В свете новых обстоятельств, связанных с пандемией, приходится *переструктурировать жизненное пространство*, точно распределяя, где, когда, что и кто делает. Вводить семейные отношения в новые временные рамки, ограничивая свои потребности. Ситуация в потребительской сфере в обществе в принципе изменилась. Потребитель стал менее свободным в своем поведении при выборе конкретных товаров и по способам их приобретения и использования. Безусловно, это следствие, которое формирует пандемия, а также следствие действий государства, которое зачастую на законодательном уровне устанавливает жесткие правила поведения практически во всех сферах общества, вводя ограничения, и периодически устанавливает рамки действий граждан. Это связано с посещением публичных мест: магазинов, предприятий общепита и развлекательных мероприятий; допуск на них осуществляется только определенных категорий населения (вакцинированных), что способствует усилению социального расслоения и неравенства граждан.

Изменилось отношение к вещам, в том числе покупкам непродовольственных товаров — меньше стали покупать одежду и обувь как для дома, так и для выхода за пределы жилища.

Таким образом, наиболее проблемным для людей в период пандемии COVID-19 выступает изменение привычной повседневности, а следовательно, изменение привычных смыслов и особенностей городских пространств, коммуникации и взаимодействия в таких пространствах и в целом изменение специфики коммуникации и ее направленности, особенностей общения (Галкин 2021). Все это приводит к конфликтным ситуациям в семье, когда нет возможности уединения, и поэтому многие люди находятся в постоянном состоянии раздражения. Увеличение

времени совместного пребывания в квартире раскрывает новые, порой совершенно неприемлемые друг для друга черты характера и особенности поведения членов семьи, увеличивается количество случаев бытового насилия.

В настоящей статье мы, используя метод сторителлинга, рассматриваем особенности, как люди различного возраста, имеющие различные семейные и социальные бэкграунды, воспринимают саму ситуацию пандемии и какие особенности при этом возникают в рамках переживания пандемии у этих людей. С методологических позиций метод сторителлинга позволил нам обозначить и рассмотреть особенности пандемийного мира наших информантов без вмешательства интервьюера или других лиц и исследователя, который проводит само описание (Maggio 2014; Hyvärinen 2016; Polletta et al. 2011; Callero 2003).

В данной статье мы позиционируем описание особенностей жизни наших информантов как своеобразный монолог самих с собой, и это представляет собой некий гибрид дневника описания и рассказывания самой истории про жизнь и переживание пандемии, которые происходят здесь и сейчас (дневниковый сторителлинг. — *Примеч. авт.*).

Следует отметить, что в процессе получения данных социологами в период пандемии появились некие сложности. Во-первых, возросло число людей, которые не хотят отвечать, с трудом удается разговаривать человека, иногда чувствуется, что человек попросту врет, а порой, начав отвечать, прерывает разговор, говорит «не до того» и уходит. Пандемия создала условия для усиления контролирующей роли государства. Метод дневникового сторителлинга, представленный в настоящем исследовании, позволяет самим информантам фиксировать все значимые для них события и также выражать свое мнение и свою точку зрения, что нередко бывает трудно при очном интервью в период пандемии.

Всего в исследовании мы рассматриваем три истории, которые максимально отличаются друг от друга и имеют различные особенности. Различие данных историй обусловлено тем, что информанты, представители каждой истории, — люди разного возраста и разного социального статуса и положения. Это обеспечивает многогранность и непохожесть историй, рассматриваемых в статье.

Настоящая статья представляет собой публикацию по совместному проекту петербургского журнала «Город 812» и Социологического института РАН. Некоторые из этих историй легли в основу сторителлинга, который мы анализируем в настоящей статье. Полтора года

назад — в начале пандемии — Социологический институт РАН и журнал «Город 812» объявили сбор автобиографий — историй, посвященных жизни в эпоху коронавируса. Предложили делиться опытом повседневной жизни в изменившихся условиях*.

Изоляция на два дома

Чечилия Пило Боилди Путифигари (гражданка Италии, проживающая в Санкт-Петербурге) описывает сложности жизни на два дома и разлуки с мужем и контроля за обучением детей. Воспитание и обучение детей и удаленность от близких, закрытость границ выступает одним из самых сложных для информантки. В своем тексте автор рассматривает основные особенности трансформации своей повседневности и изменения повседневности своих детей, а также желание воссоединения с семьей и родственниками.

«Кажется, период пандемии остался уже далеко в прошлом, и надеюсь, естественно, что он не повторится, не вернется. Но и ощущения, и воспоминания еще очень свежие. Как будто вчера нам отменили рейсы в Италию: мы собирались воссоединиться с итальянской частью семьи в Альпах, чтобы побыть вместе и покататься на лыжах. Потом отменили дочери заключительный этап всероссийской олимпиады школьников по итальянскому языку в Москве. Прервались занятия: у детей — в школе, у меня — в университете. И все мы остались дома, каждый со своими мыслями, в одной квартире, рядом с самыми близкими. Правда, к этому времени муж принял решение самоизолироваться на съемной квартире, так как в онкологическом отделении, где он служит, врачи продолжали работать, и он боялся нас случайно заразить. Я осталась с тремя детьми, со своими онлайн-уроками, с занятиями и домашними заданиями двух младших мальчиков. Старшая дочка, к счастью, справлялась с учебой сама. Кроме того, с нами была наша собака, пес среднего размера, которого нужно было регулярно выгуливать. Если сейчас дети часто ленятся, говорят, что у них нет времени погулять с собакой, то в тот период такой проблемы не возникало. Дети охотно выводили питомца гулять, где пропадали часами. Не могу сказать, что было совсем плохо. Мне дома всегда комфортно, и с детьми мы больше сблизились. Бывало, что вечером мы собирались в гостиной, рассаживались на диване

* Татьяна Протасенко. Давайте вместе допишем книгу «Дневники эпохи коронавируса». — URL: <https://gorod-812.ru/davajte-vmeste-dopishem-knigu-dnevniky-epohi-koronavirusa> (дата обращения: 25.08.2022).

и смотрели вместе какой-нибудь фильм. Я даже посмотрела с ними целиком сериал для подростков. Чтобы это занятие стало хоть немного полезнее, мы пытались чередовать серии на русском и английском языках. Собака пристраивалась у наших ног, но иногда требовала места на диване, между нами. С тех пор это стало ее любимым местом.

Помощь со стороны тоже исчезла. У нас две пожилые помощницы, одна в качестве няни, а вторая помогает по дому. Им пришлось сидеть дома, так как они находились в группе риска, и это было небезопасно для всех. С этого момента все осталось на мне: продукты, кухонные заботы, уборка. Некоторые обязанности по дому были переданы детям, но с соблюдением графика. Не всегда все шло гладко. Дети лучше слушаются папу!

Мне, видимо, с работой повезло: наше учебное заведение прервало работу на месяц. Правда, семестр в том году продлили еще на месяц, учеба у наших студентов завершилась только к концу июля. Весь апрель администрация, преподаватели и технические службы работали над подготовкой курсов и их организацией в единой онлайн-системе и над переходом к онлайн-преподаванию. Это мне дало время для адаптации к новому режиму.

Самым сложным в новом режиме оказалась учеба младших сыновей, которые оканчивали тогда, соответственно, 2-й и 5-й классы. Наша школа, хотя и славится тем, что является „лучшей школой России“, полностью нас „кинула“. Она переложила на родителей практически всю ответственность за образование детей, весь объем учебной программы. В понедельник по каждому предмету рассылались презентации с новым учебным материалом, с заданиями для самопроверки, а в конце — небольшие тесты и задания, которые нужно было выслать учителям на проверку. Младший сын должен был сдавать задания каждый день к 16:00. Мы регулярно отправляли уроки к 21:00, так как я начинала с ним заниматься после того, как освобождалась от своей работы. В основном помогала разобраться с новыми темами и, главное, приходилось постоянно следить за тем, чтобы из презентации в пауэр-пойнт (PowerPoint) на айпаде (iPad) ребенок плавно не скатился к компьютерным играм и просмотру аниме! Старший сын должен был сдавать все задания только к концу недели, в субботу в 13:00. С ним тоже регулярно опаздывали, отправляли уроки уже в воскресенье утром или даже днем, так как я переключалась на него только в пятницу, когда заканчивала занятия с младшим сыном. Требовались обычно одни сутки, чтобы проверить и завершить все темы и задания на неделю. Самым обидным все-таки было обнаружить позже, что из всего, что

проходили вместе, детям практически ничего не запомнилось, несмотря на приложенные мной усилия. Я тогда задумалась о том, что у учителей, видимо, есть свои секреты преподавания, чтобы вложенные в детей знания не рассыпались через мгновение.

Было иногда ощущение, что мы живем в неестественном вакууме. Спасало общение через What'sApp и Zoom с друзьями и родственниками, как близкими, так и дальними. Иногда дедушка из Рима проводил уроки со средним сыном с помощью Zoom, помогал разбираться с некоторыми темами по математике и истории. Юмор тоже помогал, шуточные видео или картинки, которые передавались через чаты, поднимали настроение. Особенно ирония по поводу абсурдной ситуации, сложившейся в мире. Несмотря на это, невозможно было долго соблюдать строгий режим самоизоляции. Первой начала его нарушать старшая дочь, выходя на долгие прогулки с подругами. Через некоторое время стали брать с нее пример и я с подругой, и дети на детской площадке. Постепенно пришли к идее встречаться с друзьями на природе, устраивая пикники. И тут подключился даже муж, хотя он продолжал соблюдать с нами дистанцию.

У меня было столько дел, что некогда было печалиться, но не хватало поддержки от мужа, хотелось, чтобы он был рядом. Муж тоже страдал вдалеке от семьи, приезжал иногда, чтобы увидеться с нами во дворе, и охотно забирал домашнюю еду. Ему, скорее, было скучно и одиноко, оставалось заботиться только о маленьком растении, которое он увез с собой из дома. Зато он за эти месяцы собрал документы на звание доцента по второй специальности. За наши отношения в тот момент я переживала. Как выразился наш друг: „Он совсем одичал“. У меня было ощущение, что наши проблемы и планы стали для него обузой. К счастью, муж тоже ощущал, что ему не хватает семьи рядом. И каждый сам для себя пришел к одному и тому же выводу: лучше заболеть, чем так мучиться и жить отдельно. Ко дню рождения младшего сына, 25 июня, муж принял решение вернуться домой, и постепенно все пережитые сложности остались позади...»

Вопросы, оставшиеся без ответа

Борис Подопригора, социальный психолог, в своем тексте задается целью описания «приковидного» бытия. Начиная с личной истории госпитализации жены, Борис затрагивает тему роли социологов и психологов в анализе новой реальности и ее описании. Его повествование

наполнено многими вопросами, которые наводят читателя на дальнейшие размышления.

«Сама задача — описать „приковидное“ бытие — несколько расплывчата. Ибо большинство из нас живет сиюминутными заботами. А они, в свою очередь, детализируют задачи дня до „что сделать сейчас“ и „куда пойти потом“. О ковиде приходится говорить как о погоде: потребность в зонтике важнее ее прогноза. Конечно, те, кто до сих пор страдает от последствий болезни, тем более потерял близкого, само слово „ковид“ будут помнить еще долго. Но повторю: и для них прием лекарств или, представим и такое, посещение могилы — рациональнее вопросов *откуда, почему да как?*»

Теперь — личное. Первая реакция на угрозу была, скорее, легкомысленной: Китай далеко, да и эпидемии остались в далеком прошлом. В этом убеждал собственный африканский опыт, а именно беседы с эпидемиологами Всемирной организации здравоохранения. Они весьма логично объясняли: после искоренения оспы человечество может вздохнуть с облегчением. К этому мы еще вернемся.

Более того: мы все делимся на оптимистов и пессимистов с разной приверженностью реализму. Я — скорее оптимист. Поэтому ближе к сердцу и разуму принял прогноз в том смысле, что „весенний“ 2020 года ковид не опаснее гриппа. Тем более что грипп при всех его последствиях воспринимается как насморк, часто не мешающий ходить на работу.

Правда, неожиданная смерть на фоне ковида моего близкого друга заставила вздрогнуть. Окончательно я осознал, что коронавирус — не грипп, когда во вторую неделю июня 2020 года резко ухудшилось здоровье жены: несколько дней она сильно кашляла при скачках температуры и упадке сил, потом замерла в постели и просила ее не тревожить. Вопреки ее самоутешениям и даже „фыркам“, пришлось вызывать неотложку. Первоначально ее отправили в ближайший диагностический центр, откуда она сама вернулась (точнее, приплелась) домой. С тревожным, но неопределенным диагнозом: поражение легких 20 процентов.

На следующее утро состояние жены ухудшилось. Пришлось искать знакомых, кто бы помог ее госпитализировать. Ибо повторно прибывшие врачи ничего определенного не предложили. Зато расширили словарный запас непонятными медицинскими терминами.

Удалось. Вторая больница в Озерках, в которой окончил свои дни упомянутый мною друг, для жены оказалась спасением. В течение

десяти дней я ей звонил через каждые 3–5 часов. И радовался тому, что хуже жене не становится. Ее раздражали лишь дыхательные процедуры лежа на животе. Выражу мнение многих: абсолютное большинство медиков делали все, что в их силах. Но методологии лечения именно ковида явно не доставало. На одиннадцатый день жену выписали. Так, с конца июня 2020 года она вернулась к привычной жизни, тьфу-тьфу, доселе без последствий. Хотя...

Со мной — сложнее. На следующий день после госпитализации жены я почувствовал себя не лучше, чем она накануне. Так же, как и жена, прошел диагностику. Так же удостоился неопределенного диагноза: поражение легких — 15 процентов. В другом диагностическом центре сдал ПЦР-тест. Коронавирус не подтвердился. Но лучше себя не почувствовал. Посещала мысль: не госпитализироваться ли вслед за женой? Но пока она находилась в больнице, не решился: вдруг придется принимать какие-то экстренные меры? Поэтому находился дома, за компьютером. Принимал лекарства, в основном витамины. Впрочем, температура тела не превышала 36 градусов.

В моральном смысле очень помогла 40-летняя дочь, очень на этом фоне помудревшая. Накануне она вернулась из Юго-Восточной Азии. Не исключено, что там перенесла ковид в легкой форме, поэтому ее советы, а главное выдержка, нам помогли.

Ну а я с лета 2020 года чувствую себя хуже, чем до этого. Чаше, чем раньше, кружится голова. Резко упало зрение. Может, коронавирус тут и не при чем. В 2021 году дважды вакцинировался. Верю, что „Спутник-V“ избавил от худшего. На этом можно было бы поставить многоточие...

Теперь — попури из мыслей-вопросов, навешанных эпидемией. Во-первых, что такое прогнозирование? Существуют ли критерии его эффективности? На чем, в частности, основан прогноз избавления после оспы от эпидемий? Где, например, граница между эпидемиями и до поры до времени локализуемыми массовыми заболеваниями, типа птичьего гриппа или лихорадки Эбола? Кстати, не освоит ли человеческую популяцию „обезьянья оспа“?

Как, наконец, быть с многочисленными текущими прогнозами эпидемиологов? Сужу об этом как социолог, по роду занятий ссылавшийся на авторитеты. А они сплошь и рядом попадали впросак. Но наиболее гротескным (чтобы не сказать — безумным) запомнилось интервью одного из видных, как его представили, исследователей эпидемий. Он объяснил, что заражения происходят через глаза. Поэтому носить маски бесполезно. И это — на фоне жестких карантинных мер. Какие

выводы на этот счет сделали руководители прежде всего медицины, я не знаю. Но, думается, вопросы возникли не только у меня. И еще одно наблюдение: целый ряд моих знакомых потерял своих близких буквально на третий-четвертый день их болезни. Пусть специалисты оценят профессиональную адекватность и инструментарий реаниматологов. Но с позиции социальной (и не только) психологии явно востребована методика работы с отчаявшимися, притом внезапно...

Теперь — во-вторых. Я так и не понял, каким оказался „механизм“ заражения? Через транспорт, другие места скопления людей? Или экзотичнее — через деньги-карточки? В западной печати в этом контексте упоминались дома престарелых, те же больницы, аптеки, автозаправки. Но как быть с заболевшими в лесных заимках на севере страны? Не меньшую озабоченность вызывают так и не проясненные правила внутрисемейного поведения в чрезвычайных условиях. Почему академическая наука, предметование которой распространяется едва ли не на людоедство с позиции диетолога, не смогла подсказать, как строить межпоколенческие и гендерные отношения и не доводить дело до разводов, а то и „сдачи“ стариков в те же дома престарелых? Понятно, что рекомендации, даже самые насущные, давать легко. А вот следовать им... Но это не отменяет общего вопроса: насколько утилитарны наши знания о домашних обострениях?

В-третьих, и во многом поэтому. Извлекли ли мы урок из столь же сомнительного просветительского обеспечения карантинных и иных мер? Как объяснить „совмещение“ призывов вакцинироваться с плохо пресекавшимся неистовством „антиваксеров“ в телеграм-каналах? В „знаменателе“ это означало: *пандемия идет в рост, а вы делайте что хотите!* Вспомним „ветхозаветный“ вопрос: стоит ли давать равное время на популяризацию Нагорной проповеди и ее „дьявольское“ осмеяние?

В-четвертых, с университетских пор я усвоил, что даже легкое недомогание путает мысли, мешает принимать взвешенные решения. Например, IQ-тестирование не стоит проходить после недельной бессонницы, при больном зубе и тем более когда нельзя сходить в туалет. А что говорить о всепроникающей эпидемии? Даже если она не коснулась тебя лично, осознание ее опасности не дает ни покоя, ни времени на размышления. Многое, что напрашивается на язык, до времени приберегу... На память приходит легковесная шутка: спецоперация на Украине „вытеснила“ ковид.

В-пятых, всеобщей борьбы с терроризмом не получилось прежде всего по политическим причинам. Но почему пандемия, не менее

угрожавшая всем нам, не объединила сколько-нибудь рационально мыслящих политиков, ученых, деятелей культуры, священнослужителей, всех, кто претендует на память поколений? Зато стала еще одним вектором геополитической конкуренции. Риторический вопрос: *чем по большому счету занимаются дипломаты?* — имеет расширенную трактовку. Особенно если в первые шесть пандемийных месяцев ссылки на китайские „козни“ против США стали обязательными в англоязычной периодике. Насколько уместны были не менее назойливые ссылки на параллельные интересы фармакологов? Вместо вопроса „что делать?“ миру навязывали другой — „кто виноват?“. И что? Брюзжание тут неуместно. Зададим социософский вопрос: не далеко ли мы зашли с постмодерном, исключаящим эмпатию, да и дипломатию как „фокус“ добра и зла? Подытожим: какие глобальные силы стоят за сохранение Жизни, какие за ее уничтожение? Есть ли на этом шарике общечеловеческие ценности, деятельно защищаемые большинством? Не обновить ли ряды защитников? Кем?

Есть еще и „в-шестых“, и „в-десятых“. Но оговоренная тяга к осторожному оптимизму подводит к черте. Хочется верить, что пандемия, по меньшей мере ее острая фаза, осталась позади. Но никто не может исключить появления, потом распространения новых штаммов, следовательно, новых бед и трагедий. И вопросов тоже. Тем более что общественный, особенно политический климат не смягчился. Да и сами мы вряд ли стали „просвещеннее“ и мудрее...

Но пока практическое предложение: помимо медиков, есть чем заняться социологам и психологам. Явно востребованы их практические рекомендации, которые, в свою очередь, должны войти в перечень правовых актов, регламентирующих повседневную жизнь в период эпидемий. В их подготовке должны участвовать и социологи» (Борис Подопригора, социальный психолог).

А выход все же есть

История Виктора Салова представляет собой ковидный дневник: описание самой болезни, перипетий, связанных с больницей и лечением, что заслуживает отдельного внимания, и, наконец, важны его советы относительно того, как быть здоровым и как вернуться в прежнюю повседневность до наступления заболевания. В тексте наблюдения автора интересно переплетаются с советами относительно поддержания в форме себя и истории переживания заболевания.

«Представляюсь: я — Виктор Васильевич Салов. Друзья зовут меня кратко: ВВС. Родился в 1929 году в Ленинграде. Всю жизнь прожил в родном городе, который теперь называется Санкт-Петербургом. В начале этого года не избежал коронавируса, хотя и был на самоизоляции.

В конце декабря прошлого года сын подхватил этот вирус на работе и, что естественно, заразил дома маму и папу. Сын и жена болели, а я ухаживал за ними, не подозревая, что тоже болен.

Сын очень удивлялся моей стойкости, зная, что в семье старшей сестры ковид в это же время протекал с высокой температурой. В начале января сын вышел на работу, имея отрицательный тест, а 9 января гриппозные признаки появились у меня.

Я по интернету вызвал на дом врача из какой-то организации. Приехал молодой парень и задал лишь два вопроса:

— Обоняние и вкус есть?

Я ответил, что все в норме.

„Врач“ улыбнулся и заявил:

— У вас грипп. Пейте антигриппин.

Я спросил, как его зовут. Он назвался именем британского певца, а отчество называть не стал, мол, мне его будет трудно выговорить. С этим и уехал.

Грипп я обычно лечу трехдневным голоданием. И на этот раз поголодал, но обычного улучшения не произошло. Хуже того, появился спазм пищевода, я не мог даже пить. Так было потеряно 10 дней. А мне становилось все хуже и хуже. За эти 10 дней я похудел на 6 кило.

На сей раз вызвал врачей из участковой поликлиники № 17 нашего Красногвардейского района. Те срочно приехали в масках и комбинезонах. Взяли мазок и велели ждать результатов. Через день мне позвонили из лаборатории и огорчили известием: тест дал положительный результат.

Я снова вызвал врачей из поликлиники. Они сразу приехали и стали искать свободное место в больницах по ковиду. Место нашлось в клинике Святителя Луки на Чугунной, 6. Туда меня и отвезли. Это было 21 января сего года.

В приемном покое мне сделали компьютерную томографию, определили, что поражено 52 процента легких, и направили в палату. Стали мне вводить антибиотики с помощью капельниц и поговаривали между собой о переводе в реанимацию...

Тем временем я потихоньку выходил из голодания, и мои показатели — к большому удивлению врачей — с каждым днем улучшались. О реанимации они уже не говорили.

Поскольку я оволактовегетарианец, пришлось наладить контакт с санитарками, развозящими питание по палатам. Они проявили большой интерес к моим лекциям о раздельном питании, которого я придерживаюсь с 1993 года. Мои соседи по двухместной палате (за 10 дней их сменилось четверо, кого увозили на реанимацию, кого на ИВЛ) были тоже довольны, ибо я им отдавал все мясное из моих порций.

Дочка периодически передавала мне овощные и фруктовые соки. К концу января я достаточно окреп, хотя был самым старым пациентом во всей больнице, и мне провели контрольный мазок, который снова дал положительный результат. Начальник отделения задумался, а затем спросил, с кем я дома живу, и болели ли они ковидом. После моего утвердительного ответа он предложил мне вернуться домой и 10 дней никуда не выходить и не иметь контактов с посторонними лицами, после чего провести контрольный тест и сообщить о результате им в клинику.

Я с радостью согласился, и 2 февраля зять на своей машине увез меня из клиники домой.

Спустя еще 10 дней контрольный тест показал отрицательный результат, и я обрадовал этим лечащего врача в клинике. Она при этом сказала, что мое выздоровление больше зависит от позитивного настроения, чем от лекарств, и они теперь ставят меня в пример остальным больным.

Однако выздоровление оказалось неполным. Вирус дал осложнение на сердце и легкие. При прогулке через каждые 20 шагов начинало колоть сердце, а возвращался домой с потной спиной, чего раньше не было.

Отправился к своему кардиологу в поликлинику РАН для проведения суточного мониторинга, который серьезно огорчил кардиолога. Она предложила оформить документы на госпитализацию и 1 апреля передала их в больницу РАН, приказав мне ждать телефонного вызова.

Однако прошел месяц, вызова не было, и я заехал в академическую больницу узнать о своей госпитализации. Врачи в зеленых халатах у стойки администратора удивились моему вопросу:

— У нас большая очередь и так быстро не бывает.

Когда минуло полтора месяца после того, как меня выписали из больницы, подошло время контрольной томографии, направление на которую я получил в 17-й поликлинике. Томография показала, что поражение легких уменьшилось до 15 процентов. Видимо, не зря я делал гимнастику и надувал воздушные шарик.

В начале июня уехал на все лето на дачу с тревожным ожиданием вызова на госпитализацию, которого так и не последовало. Приятель, сердечник со стажем, посоветовал заглянуть в собственный паспорт,

чтобы вспомнить, когда у меня день рождения, и не ждать вызова, врачам надо спасать молодых, а нам, старикам, все по остаточному принципу.

Да я и сам пришел к такому мнению, а потому занимался на даче скандинавской ходьбой и вспоминал свой стишок на эту тему:

Разминка вначале, прогулка в конце...
Улыбка сияет на каждом лице!..
Капризы погоды всем нам нипочем,
В любую погоду мы в парки идем.
Лишь палки мелькают, в дорожку стуча,
И жизнь прекрасна, и кровь горяча!..
И все пожилые, и вся молодежь
Нам дарят улыбки, когда ты идешь!..
И даже собаки, виляя хвостом,
Гордятся, наверно, таким ходоком!..
Идем, повторяя, как будто завет:
Мы будем моложе на несколько лет!..
Идем в темпе свинга, забыв обо всем,
Пока мы шагаем, мы, значит, — живем!!!

К осени эти тренировки позволили мне вспомнить, что в бытовке стоит мой велосипед, заваленный сумками и тележками. Достал его, почистил, накачал автомобильным насосом шины и сделал контрольную поездку по садоводству.

Увидев меня, сосед поразился и сделал снимок. Мол, иначе друзья не поверят — как это, в 92 года и после ковида?!

Сейчас прошло уже 9 месяцев после возвращения из больницы, и можно делать кое-какие выводы:

1. При заболевании нельзя ждать и заниматься самолечением, ибо вирус в это время захватывает новые органы.

2. Нельзя поддаваться панике и тоске, только позитивный настрой может усилить действие лекарств.

3. В период реабилитации обязательны дыхательная гимнастика, надувание резиновых шариков и скандинавская ходьба.

4. Важно не чувствовать себя в семье пятой спицей в колеснице, а стараться вносить посильный вклад — одеться по погоде, надеть маску, взять в руки скандинавские палки, на плечи рюкзачок и в будние дни в магазин за продуктами, пусть не спеша, с остановками и передышками, но что-нибудь нужное для семьи принести.

Это ведь тоже своего рода гимнастика, чтобы не дряхлели мышцы, и подтверждение постулата: „Движение — это жизнь!“

5. Болезнь — тяжелое испытание, но надо не замыкаться в себе, а контактировать с друзьями по телефону и электронным видам связи, находить в интернете позитивную информацию и делиться ею с друзьями.

Как говорил великий Шота Руставели: „Что хранишь ты — то пропало, что отдал ты — то твое“» (Виктор Салов).

Заключение

При изучении представленных текстов возникают любопытные сравнения. Все авторы пишут об ушедшей повседневности и исчезающем мире, который остался где-то далеко и не вернется уже назад. Авторы, описывая «уходящую эпоху», рассматривают ее как что-то далекое и прежнее. Теперь этого нет. Хорошо или плохо было то, о чем люди вспоминают, — многие свое прошлое не оценивают. При этом многие из авторов видят много перспектив в новой, наступающей эпохе, и в том числе в возможности вернуться к прежним практикам, умело их

систематизировать и структурировать, быть рефлексивными и критически настроенными на понимание всей ситуации и своей индивидуальной роли. Объединяет все истории идея адаптации и идея понимания того, как жить в новых реалиях. Переход от сложного, структурированного мира, обремененного сетью обязательств и условий, к миру гибкому, «текущему», свободному от различных границ и условностей, где происходит отмирание некоторых слов, форм и институтов. Как это ни покажется странным, все это можно использовать для анализа современной ситуации в связи с пандемией. Изучение поведения индивида в период пандемии возможно в рамках понятия «адаптация во время стресса». Исходя из анализа разного рода историй абсолютно ясно, что наша жизнь изменилась во всех сферах, в том числе и наше повседневное поведение. В чем это выражается? Людям пришлось выбирать стратегию поведения, делать выбор чуть ли не сиюминутно, в то же время пытаться что-то планировать на некоторое время вперед. Хотя, судя по опросам, все меньше и меньше людей готовы заниматься долгосрочным планированием своей жизни.

Источники

Галкин К. А. Барьеры и неравенства для пожилых людей в городской среде в период пандемии COVID-19 // Россия реформирующаяся. — 2021. — № 19. — С. 65–86.

Ярская В. Н., Домрачева Е. А. Опыт социологического анализа многоаспектных последствий пандемии как новой социальной реальности // Среднерусский вестник общественных наук. — 2021. — Т. 16, № 3. — С. 15–29.

Callero P. L. The sociology of the self // Annual review of sociology. — 2003. — P. 115–133.

Christin M., Hidayat D., Rachmiatie A. Construction of social reality for physical distancing during the COVID-19 pandemic // Journal Komunikasi. — 2021. — Vol. 13, No. 1. — P. 1–19.

Hyvärinen M. Narrative and sociology // Narrative Works. — 2016. — Vol. 6, No. 1. — P. 38–62.

Maggio R. The anthropology of storytelling and the storytelling of anthropology // Journal of comparative Research in Anthropology and Sociology. — 2014. — Vol. 5, No. 2. — P. 89.

Paska I. Bits and pieces: experiences of social reality in the midst of the Covid-19 pandemic // In medias res: časopis filozofije medija. — 2021. — Vol. 10, No. 18. — P. 2789–2802.

Polletta F. et al. The sociology of storytelling // Annual review of sociology. — 2011. — Vol. 37, No. 1. — P. 109–130.

References

- Callero P. L. The sociology of the self. *Annual review of sociology*, 2003, pp. 115–133.
- Christin M., Hidayat D., Rachmiatie A. Construction of social reality for physical distancing during the COVID-19 pandemic. *Jurnal Komunikasi*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 1–19.
- Galkin K. A. Barriers and inequalities for the elderly in the urban environment during the COVID-19 pandemic. *Rossiia reformiruyushchayasya*, 2021, no. 19, pp. 65–86. (In Russ.)
- Hyvärinen M. Narrative and sociology. *Narrative Works*, 2016, vol. 6, no. 1, pp. 38–62.
- Maggio R. The anthropology of storytelling and the storytelling of anthropology. *Journal of comparative Research in Anthropology and Sociology*, 2014, vol. 5, no. 2, p. 89.
- Paska I. Bits and pieces: experiences of social reality in the midst of the Covid-19 pandemic. *In medias res: časopis filozofije medija*, 2021, vol. 10, no. 18, pp. 2789–2802.
- Polletta F. et al. The sociology of storytelling. *Annual review of sociology*, 2011, vol. 37, no. 1, pp. 109–130.
- Yarskaya V. N., Domracheva E. A. Experience of sociological analysis of multidimensional consequences of the pandemic as a new social reality. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 15–29. (In Russ.)

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. kgalkin1989@mail.ru

Протасенко Татьяна Захаровна, старший научный сотрудник.

Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. mneniemass@yandex.ru

Galkin Konstantin A., PhD in Sociology, Senior Researcher. Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. kgalkin1989@mail.ru

Protasenko Tatyana Z., Senior Researcher. Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. mneniemass@yandex.ru

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-17.d9em-wd41

EDN: FAFUGQ

Г. В. Каныгин

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ НАРРАТИВНЫМИ МЕТОДАМИ

В статье обсуждается проблема концептуальной интеграции исследований социально-экономической предметной области на примере региональной экономики Северо-Запада. По результатам анализа публикаций журнала «Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития» показано, что аналитическим инструментом такой интеграции является нарратив. Акцентируются недостатки этого аналитического инструмента: использование автором *ad hoc* утверждений, непроясненность связей с фактами, непроверяемость выводов. Предложен подход к преодолению отмеченных недостатков посредством структурного нарратива, создаваемого методами аналитического кодирования. Такой подход совмещает в себе смысловое и онтологическое связывание словесных высказываний нарратива. На примере выражения знания о доме продемонстрированы основные этапы и принципы создания структурного нарратива. Отмечены преимущества структурного нарратива как метода концептуальной интеграции исследований в предметной области региональной экономики: сохранение привычного словесного способа описания социально-экономических процессов, управление словесным знанием с помощью онтологических методов, повышение обоснованности нарратива за счет предъявления смысловых связей в явном виде. Обсуждены: независимость проблем смысловой интеграции знаний от их объема; переплетение смысловой и инструментальной составляющих при создании нарратива; способ распараллеливания предметных знаний методом аналитического кодирования.

Ключевые слова: региональная экономика, нарратив, междисциплинарные исследования, онтологические методы, аналитическое кодирование.

GENNADY V. KANYGIN

CONCEPTUAL INTEGRATION OF STUDIES OF THE REGIONAL ECONOMICS BY NARRATIVE METHODS

The article discusses the problem of conceptual integration of research in the socio-economic subject area on the example of the regional economy of the North-West. According to the results of the analysis of publications of the journal "Economics

of the North-West: Problems and Prospects of Development” it is shown that the analytical tool of such integration is the narrative. The shortcomings of this analytical tool are emphasized: arbitrary statements by the author, the lack of clarity of links with facts, and the unverifiable conclusions. An approach is proposed to overcome the noted shortcomings by means of a structural narrative created by methods of analytical coding. This approach combines the semantic and ontological linking of verbal statements of the narrative. On the example of expressing knowledge about the house, the main stages and principles of creating a structural narrative are demonstrated. The advantages of structural narrative as a method of conceptual integration of research in the subject area of regional economics are noted: preserving the usual verbal way of describing socio-economic processes, managing verbal knowledge using ontological methods, increasing the validity of the narrative by presenting semantic relationships in an explicit form. There were discussed: the independence of the difficulty of semantic integration of knowledge from its volume; interweaving of semantic and instrumental parts of a narrative; a decomposition of subject knowledge by the method of analytical coding.

Keywords: regional economics, narrative, interdisciplinary research, ontological methods, analytical coding.

Введение

Региональная экономика Северо-Запада — это объект многочисленных социально-экономических исследований. Эти научные инициативы имеют собственные предметы изучения и в своей совокупности составляют предметную область, знания о которой приумножаются в процессе выполнения научных проектов. Исследования строятся их авторами на основе разных традиций, посылок и знаний, что неизбежно означает междисциплинарность исследований региональной экономики.

Как следствие междисциплинарности выполняемых проектов, перед исследователями неизбежно возникает проблема: каким образом организовать собственное интеллектуальное взаимодействие, соединяя в единое концептуальное целое терминологию и методы, разобщенные предметной обособленностью (Arnason 2001)? Однако сама постановка вопроса является результатом известного развития предметной области как единого целого. Такое развитие требует времени. Исследователи, каждый из которых работает в собственной научной традиции, могут достаточно долго обходиться собственным предметом, методами его изучения и навыками изложения получаемых результатов.

С целью выяснения современного состояния междисциплинарного научного инструментария социально-экономической предметной области и формулирования предложений по его возможному развитию

мы провели анализ публикаций в журнале «Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития» за 2020 г. и первую половину 2021 г. (Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. Выпуски 2020, 2021 гг.).

Нашими задачами явилось получение ответов на три основных вопроса. Во-первых, какими инструментальными средствами формируют знания о региональной экономике изучающие ее специалисты? Во-вторых, в чем достоинства и недостатки этих средств в плане организации междисциплинарных исследований этой предметной области? В-третьих, каким образом можно усовершенствовать междисциплинарное концептуальное взаимодействие между специалистами в области региональной экономики?

Анализ показал, что, во-первых, в качестве основного средства представления знаний в указанных публикациях выступает нарратив. Нарратив — это словесное повествование (Berger, Quinney 2004), с помощью которого исследователи развивают и накапливают знания о выбранной ими предметной области, т. е. о региональной экономике. Им пользуются все без исключения авторы статей, причем в 19 публикациях из 81-й нарратив оказался единственным инструментальным ресурсом, с помощью которого исследователи излагали свои результаты.

Во-вторых, наряду с нарративом авторы 62 работ прибегают к формальным способам структурирования своих знаний, перечисленным в табл. 1.

Таблица 1

**Форматы структурного представления знаний
о региональной экономике**

Диаграмма	Таблица	Структурная схема	Карта	Формула	Иное
108	142	56	24	14	6

В указанной таблице диаграмма означает визуальное представление данных, как правило, в результате вычислений. Таблица — это представление данных или выводов в матричном виде. Структурная схема — граф, наглядно демонстрирующий связи между отдельными словесно обозначенными компонентами знания. Карта — рисунок, на котором представлена географическая карта, как правило, содержащая пометки о тех или иных объектах. Формула — специальный

язык, построенный по формальным правилам. Иное — экранная форма, рисунок от руки и т. п.

Все техники, сведенные в таблицу, в отличие от нарратива, предполагают предварительно определенные правила или структуры, в элементах которых (операндах, клетках, узлах, ячейках) исследователь располагает словесные высказывания или их непосредственные эквиваленты. В отличие от указанных формально предопределенных техник, нарратив — это способ интеграции знаний разных видов в одно концептуальное целое, существенно использующий для связывания отдельных словесных обозначений их смыслы, различаемые человеком в составе потока текста (Каныгин, Полтинникова, Корецкая 2021).

Мы обращаем внимание на смысловой способ связывания словесных обозначений посредством нарратива, так как по результатам анализа публикаций видно, что коллеги применяют такое связывание как само собой разумеющуюся концептуальную технику. Такой некритический подход находится в противоречии с современными «умными» тенденциями развития методов моделирования экономики. Так, в работе (Dragicevic, Ullrich, Tsui, Gronau 2020) показано, что основным концептуальным препятствием развития «умной» Industry 4.0 является различие в неформальных и формальных методах оперирования информацией. Люди (human agents) взаимодействуют между собой, основываясь на смыслах своих слов и действий, в то время как компьютерные агенты (computer agents) используют предопределенные форматы данных и операций с ними.

Отдельно отметим, что нарратив — это типичное представление знаний, которые необходимы для построения математической модели. В прикладных исследованиях математическая модель часто служит теоретическим стержнем, вокруг которого строится вся исследовательская деятельность. В то же время математическая модель всегда предполагает некоторые предварительные описания, включающие, в частности, программу исследования, постановку задачи, методики сбора данных, разделение работ между участниками исследования. Хотя именно для этих целей в информатике разработан онтологический аппарат (Бениаминов, Лапшин 2012), но в исследованиях региональной экономики применяется именно нарратив.

Учитывая приверженность исследователей региональной экономики к нарративу в качестве средства концептуальной интеграции своих исследований, обратим внимание на определенную спорность такого подхода. С естественно-научных позиций, выраженных, например, в (Allais 1990), нарратив зачастую представляет собой «литературную

теорию». Такая теория не опирается на факты, ее посылки далеко не всегда прояснены, выводы не обоснованы. «Литературная теория» — это словесный конструкт ее автора, который не обременяет себя проверкой своих «теоретических выводов» посредством их приложения к описанию чего-либо реального.

В практике исследований региональной экономики, как и многих других социально-экономических предметных областей, по-видимому, существует общее допущение, что этот недостаток нарратива можно устранить путем накопления соответствующих предметных данных. Но в этом случае возникает та же ситуация междисциплинарности, о которой сказано во введении.

Обратим внимание, что нарратив в исследованиях социально-экономических процессов используется не только для их описания, но и конструирования, например, в виде прогнозов развития. Но в таком случае данные, как факты социальной жизни, просто отсутствуют. Как показывает социально-экономическая практика, такое отсутствие данных не мешает применению именно нарратива для рассказа о будущем. Но в этом случае также крайне важно уметь обосновывать нарратив, различая узнаваемое говорение от словесного моделирования происходящего. Только делать это не за счет соотнесения утверждений нарратива с еще не существующей социально-экономической реальностью, а путем более полного инструментального предъявления исследовательского опыта, выражаемого нарративом.

В частности, одним из таких путей видится создание средств коллективной концептуальной работы применительно к предметной области региональной экономики. Однако по результатам нашего анализа публикаций журнала «Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития» мы не можем сказать, что проблема концептуальной интеграции собственных исследований привлекает активное внимание авторов этого журнала.

Каким образом можно усовершенствовать методы концептуальной интеграции в исследованиях региональной экономики?

В качестве перспективного метода мы рассматриваем далее аналитическое кодирование (Kanygin, Koretskaia 2021), которое позволяет принципиально усовершенствовать смысловое связывание разных структур представления знания на принципах современных онтологий в виде структурного нарратива. Учитывая возможную новизну подхода для исследователей, занятых в сформировавшейся социально-экономической предметной области, ниже мы схематично излагаем процесс построения структурного нарратива, имея в виду продемонстрировать,

с какими проблемами и их возможными решениями встречается концептуальная интеграция с помощью нарратива.

Для исследователей структурный нарратив — это систематический метод концептуальной интеграции их понятийного аппарата, выражаемого словесно, и структур знаний (см. табл. 1), которые они практически применяют в своей коллективной научной работе. Таким образом, исследователи по-прежнему сохраняют возможность использовать нарратив в качестве средства концептуальной интеграции своих исследований. В то же время структурный нарратив — это аналитическая процедура, которая ставит все осмысленные концептуальные действия, выполняемые с помощью естественного языка как отдельным исследователем, так и научным сообществом в целом, под управление онтологических методов управления знаниями.

Инструментально, структурный нарратив* — это множество осмысленных высказываний, но представленных не в виде потока текста, а в виде онтологии специального вида (Kanygin, Koretskaia 2021). Структурный нарратив, построенный методами аналитического кодирования, можно видеть на рис. 1 и 2, объясненных ниже. Наш подход позволяет превратить традиционный нарратив, как способ смыслового связывания словесных высказываний, в инструмент решения двух принципиально важных «смысловых» задач.

Явное выражение смысловых связей. Традиционный нарратив — это инструмент взаимодействия между людьми с помощью естественного языка на основе смыслов словесных утверждений, содержащихся в *потоке* текста. Однако практика словесного взаимодействия показывает, что разные люди в одном и том же нарративе, т. е. осмысленном тексте, видят разные смыслы. Такое различие в смысловых коннотациях трудно анализировать, пока они остаются в «голове» автора нарратива (Wagner 2006). Если автор станет систематически выражать смысловые коннотации явно, то это будет означать создание системы координат, которая существенно облегчит для всех реципиентов нарратива его понимание.

«Объективизация» словесных высказываний. Различие в понимании нарратива разными людьми обусловлено их разным опытом, навыками, образованием и другими факторами, оказавшими на них влияние. В традиционном нарративе такие смысловые различия скрадываются, в частности, за счет различного рода обобщений. Такие словесные

* Далее нарратив, представленный в проанализированных нами публикациях, мы называем традиционным.

высказывания понятны автору в момент создания своего текста, но могут составлять существенное затруднение для читателя в процессе знакомства с нарративом. Примерами могут служить характерные социально-экономические понятия, скажем, население (Каныгин, Полтинникова, Корецкая 2017). Читатель становится способным понять, что кроется за этим словом, только получив дополнительные разъяснения от автора. Однако такого сорта словесные обобщения остаются без должных разъяснений в составе любого нарратива (см. пример ниже).

Одной из инструментальных возможностей структурного нарратива является сокращение областей различий составляющих его высказываний за счет их «объективизации». Такая возможность возникает из-за того, что в составе нарратива, как правило, можно встретить упоминания о разнообразных предметах, процессах, датах, событиях. Такие «объективизированные вкрапления» хорошо известны каждому человеку. Однако будучи компонентами сложных социальных систем, они оказываются только поименованными, но не представленными в виде социальных связей, в которые они включены. Скажем, в Интернете можно прочесть, что «население — это жители какого-нибудь места (страны, города и т.п.)». Такое «определение» делает слово «население» узнаваемым применительно к любому нарративу, но не дает возможности адресоваться к чему-то реально существующему. Традиционный нарратив, заставляющий своего автора «паковать» смыслы отдельных высказываний в текстовый поток, просто не дает возможности автору нарратива сколько-нибудь релевантно представлять структурные соответствия между словесными утверждениями и их реальными прототипами. Каждая новая попытка оказывается новым «плоским текстом». Вместо структурных отношений между высказываниями нарратив предлагает уже готовые поименования, имеющие не проясненные связи с реальностью.

Конструирование социальных отношений. Нарратив широко используется не только для описания социальных отношений в рамках предметных областей, но и для конструирования таких отношений. В отличие от задачи описания предметной области, решение которой в сегодняшних условиях может мыслиться небольшой научной командой, конструирование социума в любой его части отчетливо предполагает работу научного коллектива. Судя по тому, что современные «умные» технологии включают в этот коллектив наряду с исследователями участников изучаемых социальных процессов (Pore 2020), число членов такого «конструирующего сообщества» неизбежно окажется значительным.

В этих условиях приходится заботиться не столько об описании социального процесса, сколько о разграничении концептуальных ролей участников коллектива, которые сотрудничают в совместном построении знания об этом процессе. В таком случае традиционный нарратив уже не может считаться удовлетворительным научным инструментом: он просто лишен каких-либо инструментов командной работы. Сегодняшним основным средством решения задач координации концептуальных действий носителей знания являются информационные онтологии или онтологические методы управления знаниями (Noy, McGuinness 2001; Рубашкин 2013).

Онтологические методы — это техники связывания аналитических обозначений посредством специфических отношений, в их числе: наследование, полиморфизм, компиляция, инкапсуляция, создаваемых с помощью языка спецификации, например (UML 2015). Однако такой способ фактически недоступен специалисту в предметной области, так как требует значительных затрат на свое освоение при неясных перспективах применения. Как следствие, практическое применение онтологий ведет к разделению концептуальных ролей эксперта (специалиста в предметной области) и моделиера (инженера по знаниям), который «укладывает» знания эксперта в «содержание» онтологии (Chergui, Zidat, Marir 2020). Такие межличностные трансформации знания неизбежно приводят к его потерям и в то же время делают процедуру построения предметного знания неоправданно громоздкой.

Методы аналитического кодирования создают онтологическую функциональность не с помощью языка спецификации, а путем особой структурной организации (Каньгин, Полтинникова, Корецкая, 2017). Использование на базовом уровне структур, а не формальных языков спецификации, означает имманентную визуализацию всего процесса концептуализации, что принципиально облегчает исследователю аналитическую работу. Во-первых, за счет известных плюсов визуального представления информации. Во-вторых, благодаря существенному сокращению трудозатрат пользователя при получении навыков, необходимых для применения онтологического аппарата в процессе работы с нарративом.

Построение структурного нарратива методами аналитического кодирования. Основным приемом является выражение смысловых структур, различимых в нарративе, через онтологические отношения, в числе которых: наследование, инкапсуляция, полиморфизм, компиляция и другие. Начинаящим зачастую трудно освоиться в непривычной методологической ситуации. С одной стороны, им дается полная

свобода использования естественного языка при выражении своего знания. С другой стороны, они должны связывать возникающие высказывания между собой по смыслу, но не в виде новых высказываний, а посредством онтологических отношений. Непривычность состоит в том, что приходится значительно более тщательно проследивать смысловые связи и основания их введения.

Явное выражение смысловых связей. Структурный нарратив, конструируемый методами аналитического кодирования, заставляет своего автора выражать свои словесные знания в виде явных смысловых коннотаций между отдельными высказываниями. Это принципиально облегчает задачу читателя по отслеживанию смыслов слов, которые составляют любой нарратив. Аналитическое кодирование реализует идею отдельного случая (case study) качественного исследования. Создавая нарратив, его автор всегда находится в какой-то ситуации, актуальная связь с которой помогает ему рассказывать «со знанием дела». Читатель уже лишен такой связи. Поэтому, чтобы читатель релевантно реконструировал смыслы нарратива, необходимо, чтобы автор был предельно информативен на фазе его конструирования.

Для демонстрации смысловой работы автора при создании структурного нарратива сначала возьмем обычный текст, описывающий типичный социальный объект, знания о котором можно уверенно артикулировать с помощью естественного языка. Пусть это будет дом на садовом участке. Таким образом, мы предъявляем читателю систему общепонятных словесных смыслов, которые мы предлагаем выражать посредством структурного нарратива.

Читатель должен набраться терпения: мы приступаем к смысловой концептуализации нарратива, не ограничивая себя заранее в том, какие смыслы мы готовы в нем увидеть. Любая концептуализация неизбежно оказывается трудоемким и нудным процессом.

Рассмотрим нарратив 0. «Мой дом расположен на садовом участке. В доме две комнаты. Одна из них — столовая, в которой находятся мойка, обеденный стол, шкаф и четыре стула. Другая — спальня. В ней стоит шкаф, кровать, письменный стол, печка и два стула. Первая комната больше второй. В большой комнате три окна, а в спальне — одно. Еще в доме есть прихожая, из которой лестница ведет на второй этаж, а окно выходит во двор. Второй этаж — это мансарда с двумя окнами».

На первом этапе концептуального совершенствования этого описания создадим явное выражение смысловых связей, которые мы видим в нарративе 0. Для этого фрагментируем нарратив 0, представив его в виде множества отдельных высказываний на основе смысла

каждого из них*. Затем создадим локальные смысловые коннотации между отдельными высказываниями (более подробно см. (Каныгин, Полтинникова, Корецкая, 2017)). Таким образом, мы получим тезаурус 1, в котором все наши словесные утверждения окажутся локально связанными по смыслу. По тезаурусу 1 методами аналитического кодирования автоматически построим структурный нарратив 1, показанный на рис. 1. В результате мы получаем смысловые связи, скрытые в нарративе 0, предъявленными наглядно в виде графа 1, показанного на рис. 1.

Ключевая особенность наших аналитических действий: мы не преобразуем текст нарратива 0 в структуру графа 1 автоматически, а воспроизводим собственное предметное знание в том объеме и выражениях, которые требуются для решения задачи, которую мы себе поставили. В данном случае нашей задачей явилась демонстрация смысловой структуры нарратива 0 в явном виде. Мы могли создать граф 1 с помощью аналитического кодирования и без предварительного создания нарратива 0. Нам нужен нарратив 0 в качестве общеизвестного способа передачи словесных смыслов, которые мы хотим представлять в явном виде.

Аналитическое кодирование помогает нам как минимум в двух отношениях. Во-первых, позволяет нам проверять, насколько связным является наше представление о доме, создаваемое в виде множества отдельных осмысленных высказываний. Во-вторых, позволяет нам осмысленно строить нарратив любого объема, так как смысловые связи устанавливаются нами локально, а единая структура в виде графа 1 генерируется автоматически.

Граф 1 читается как обычный текст: слева направо и сверху вниз. Читатель мысленно движется по линиям узлов (смысловым цепочкам) подобно тому, как он отслеживает линии строк привычного текста. Но есть специфика такого чтения. В верхней части каждого узла показано первое (смысловое) высказывание, в данном случае оно воспроизводит осмысленный фрагмент нарратива 0. В нижней части — второе высказывание или контекст, относительно которого автор нарратива фиксирует смысл первого утверждения. При чтении графа контексты можно зачастую игнорировать: они уже выполнили свою роль на фазе его компиляции на основе тезауруса. В данном случае контексты показаны, чтобы пояснить особенности построения структурного нарратива.

* Иначе говоря, мы выполняем парсинг на основе смыслов выделяемых частей текста.

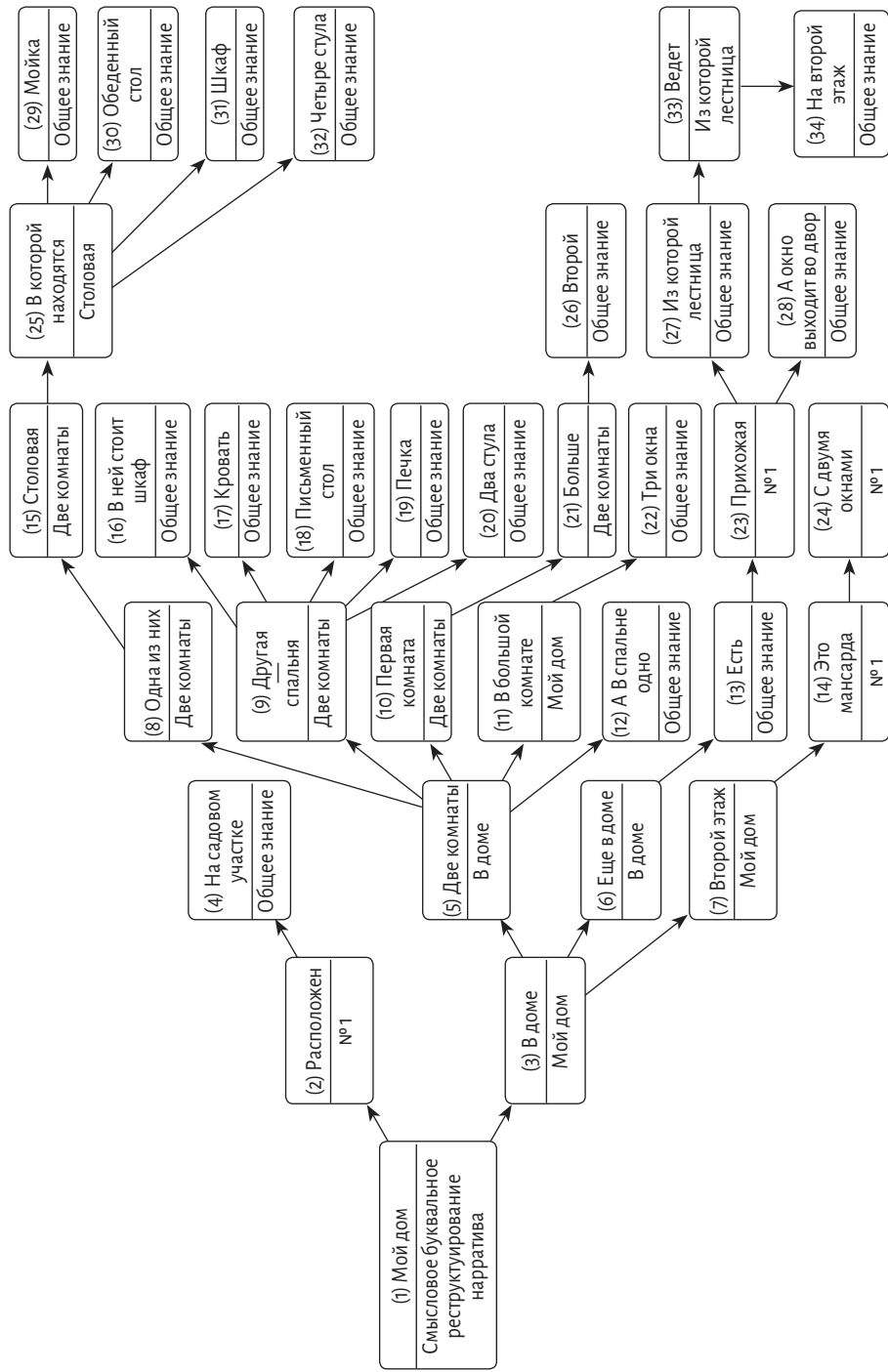

Рис. 1. Структурный нарратив визуализирует смысловые связи слов

Сопоставление графа 1 и нарратива 0 показывает, что они выражают одни и те же смысловые коннотации. При этом смысловые высказывания, представленные в графе 1, в своих формулировках сохраняют грамматические связи, содержащиеся в нарративе 0. Например, «еще в доме», «одна из них» и другие (см. рис. 1). Эти связи используются при чтении структурного нарратива, но по смыслу они уже излишни, так как отдельные высказывания связаны между собой процедурой аналитического кодирования в виде графа.

Последнее наблюдение позволяет убедиться, что на вид структурного нарратива, так же, как и его традиционного аналога, сильно влияет задача, которая решается с его помощью. При построении графа 1 такой задачей была наглядная демонстрация перехода к явному представлению словесного знания. Однако задача является достаточно подвижным смысловым ориентиром, который способен меняться в процессе самого разъяснения чего-либо. В данном случае мы вполне могли иметь в виду другие ориентиры. Во-первых, если мы намерены генерировать по графу 1 текстовый отчет, который не должен отличаться от обычного осмысленного текста, то нам нужно воспроизводить грамматические связи слов нарратива. Во-вторых, можем стремиться к построению иерархии объектов, представленных в доме, скажем, в целях их инвентаризации. В этом случае достаточно создать соответствующую структуру объектов. В-третьих, вполне разумно выглядит совмещение в одном нарративе двух указанных подходов: грамматически согласованные высказывания структурно соединяются с иерархией объектов и, например, с выражением их количественных свойств. В-четвертых, возможно сначала придерживаться грамматически выверенного стиля изложения, а по мере увеличения уровня структурирования переходить к «жесткой» схеме. Выбор задачи направляет наши дальнейшие концептуальные действия. Для определенности мы будем придерживаться четвертой стратегии при дальнейшем смысловом реструктурировании графа 1.

Теперь попытаемся понять, за счет каких ресурсов можно улучшить созданный нами структурный нарратив с целью использования результата для решения выбранной нами задачи. Для этого посмотрим на граф 1 как на инструмент осуществления смыслового связывания отдельных высказываний, имея в виду понять, по каким причинам этот нарратив может нас не устраивать.

Во-первых, если исходить из необходимости предоставить в составе нарратива сведения, которые позволили бы проверить наш рассказ о своем доме, то нарратив 1 просто не полон. Его следует снабдить каким-то фактологическим описанием дома, независимым от нашего изложения: ссылкой на запись в Росреестре, абсолютными координатами на местности и т. п.

Во-вторых, неоднозначность мы усматриваем в обобщающих утверждениях типа «два окна», «четыре стула», которые обозначают не реальные объекты или события, а некоторые ментальные конструкции, напоминающие понятие «множество» в математике или совокупность (collection) в программировании. В реальном доме такие конструкции отсутствуют. Каждое окно как физический объект существует отдельно от другого окна по законам физики, а не нашего нарратива. Конструкция «два окна» — это обобщение, которое возникает только в «голове» у человека. Такое обобщение вполне привычно для автора нарратива, владеющего речью и обладающего знаниями о своем доме, но может оказаться загадкой для читателя, если тому необходимо утеплить одно из окон, не зная какое. Мы стремимся уйти от неоднозначности такого сорта, давая в нарративе описания реальных предметов или объектов, а не результаты их словесных преобразований.

В-третьих, поставим перед собой предметную задачу, которую мы хотим решить посредством создаваемого нами структурного нарратива. Пусть такой задачей окажется описание окон: их размеров, ценовых характеристик и других параметров, которые на данный момент известны нам лишь частично. В этом случае концептуальным недостатком нарратива 1 оказывается отсутствие в его составе недвусмысленного перечисления свойств, которые специфицируют слово «окно» как общее обозначение материального объекта. Очень похоже на предыдущий случай, но, по смыслу, основания для «объектного» моделирования окон другие.

В-четвертых, мы хотели бы избежать неоднозначности отдельных высказываний, составляющих нарратив 1. Например, узлы 16 и 31 содержат упоминание о шкафе. Изложение дает понять, что это разные предметы, находящиеся в разных комнатах. Однако в указанных узлах они имеют одно и то же смысловое обозначение — «шкаф». При этом не важно, что для вершины 16 шкаф входит в состав более развернутого высказывания «в ней стоит шкаф».

Все указанные недостатки вне зависимости от того, как их можно интерпретировать — инструментально, предметно, концептуально, — мы хотим устранить в процессе конструирования нового нарратива.

Предметное масштабирование нарратива. Устраняя отмеченные концептуальные изъяны, мы масштабируем граф 1, изменяя его состав и структуру. Для этого мы преобразуем тезаурус 1 методами аналитического кодирования в тезаурус 2. Таким образом, мы создаем новые высказывания, переупорядочиваем связи высказываний, изменяем словесные формулировки. Эти изменения мы делаем до тех пор, пока в результате компиляции тезауруса 2 мы не получим граф 2 с ожидаемыми смысловыми коннотациями (см. рис. 2).

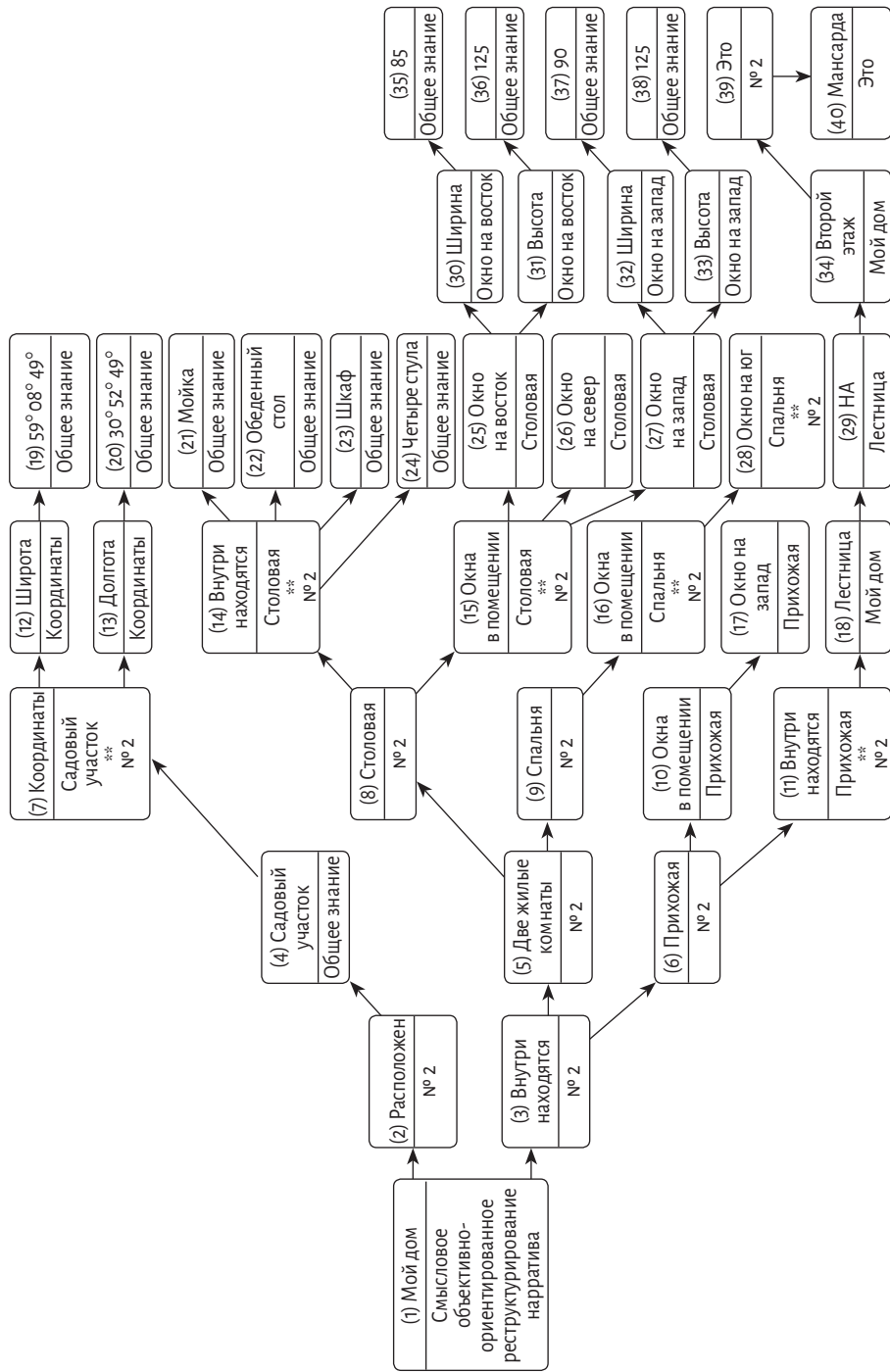

Рис. 2. Результаты масштабирования существующего структурного нарратива

Поясним, почему граф 2 устраняет недостатки графа 1, отмеченные выше. Во-первых, смысловая цепочка, составленная из узлов 1, 2, 3, 4, 7..., устраняет первый изъян нарратива 1, давая координаты дома на местности. Это позволяет проверить наше повествование независимым от нас способом. Во-вторых, устраняя неоднозначность представления об окнах в доме, в составе нарратива 2 каждое окно описано отдельным обозначением, позволяющим оперировать им в составе нарратива отдельно от других аналогичных компонентов дома. В-третьих, таким образом стало возможным указать количественные свойства окон, в частности, показаны размеры «окна на восток» (узел 25) и «окна на запад» (узел 27).

В-четвертых, в нарративе 2 содержится упоминание только об одном шкафе, который находится в столовой. Неоднозначность относительно предмета «шкаф», существовавшая в нарративе 1, оказалась устраненной ввиду того, что сменились задачи, решаемые с помощью нарратива 2. Мы просто отказались от развернутого описания спальни. Зато в новом нарративе 2 использованы другие многозначные высказывания, например «внутри находятся» (узлы 3, 11, 14), «окна в помещении» (узлы 10, 15, 16), «ширина» (узлы 30, 32), которые представлены однозначно за счет явной декларации контекстов, в которых эти высказывания использованы в разных частях нарратива.

В заключение этого раздела поясним, что предметное масштабирование нарратива, направленное на явное представление упоминаемых в нем объектов и процессов, показывает реальную сложность смысловых связей, которые необходимо учитывать в исследовательском анализе. Однако несмотря на возрастание объемов концептуальной работы, поэтапное предметное масштабирование представляется неизбежным при решении проблем концептуальной интеграции, основанной на смысловых связях словесных высказываний. Таким образом, становится возможным создать материально-фактологическую систему координат для дальнейшего концептуального моделирования акторов и их действий.

Дискуссия и выводы

Проведенный анализ публикаций в журнале «Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития» показал, что использование нарратива в качестве средства концептуальной интеграции исследовательских проектов в области региональной экономики основывается, скорее, на привычности словесного повествования, чем на поисках

релевантных способов соединения междисциплинарных исследовательских усилий в единое знание о региональной экономике.

Однако, как показано выше, нарратив всегда содержит существенные смысловые неопределенности, которые ставят под сомнение плодотворность его применения в качестве средства концептуальной интеграции. Это заключение нам помогла сделать смысловая реконструкция словесного описания типичного социального объекта — «дома на садовом участке», выполненная посредством аналитического кодирования. Даже в случае предельно малого социального объекта его описание в виде нарратива оказывается сопряжено со смысловой неоднозначностью высказываний. Практическое устранение возникающей неоднозначности, выполненное посредством методов информационных онтологий, показало необходимость учета многочисленных смысловых переплетений: посылок концептуализации, постановок задач, допустимой многозначности терминов, изменения смысловых связей нарратива в зависимости от задач, решаемых с его помощью, и т. д. Применяя традиционное словесное повествование, исследователь принципиально ограничен в способности решать подобные смысловые задачи.

Познакомившись с практикой концептуальной интеграции социально-экономической предметной области на примере региональной экономики, мы полагаем, такая практика нуждается в более развитых инструментальных средствах, чем нарратив. В то же время само некритическое использование нарратива провоцирует обособленность исследований, так как не предоставляет их авторам инструментов концептуальной интеграции своих проектов.

Пафос нашего подхода состоит в поисках путей преодоления недостатков традиционного нарратива в качестве средства концептуальной интеграции социально-экономической предметной области. При этом мы исходим из существующей в такой области традиции — создавать предметные знания посредством привычного инструментального ресурса — речи. В то же время мы уверены, что поиск аналитических средств объединения междисциплинарных подходов, развивающихся в региональной экономике, должен осуществляться на современных принципах и методах управления знаниями, нашедшими широкое применение в информатике.

Для объединения и координации нарративной и информационных традиций мы предлагаем в качестве перспективного решения методы аналитического кодирования, позволяющие создавать нарратив в структурном виде. В работе продемонстрировано, каким образом латентные смысловые коннотации традиционного нарратива посредством

аналитического кодирования удастся представить наглядно, в конечном счете в виде графа специального вида. Построение и анализ структурного нарратива продемонстрировали переплетение предметных и общенаучных оснований процедур выражения смыслов, для осуществления которых применяется нарратив.

Нам трудно сказать, что в нарративе относится к «методам», а что к «предмету» исследования. Поэтому мы предлагаем единую инструментальную процедуру, которая совмещает в себе смысловое и онтологическое связывание исследовательских знаний, создаваемых и разбиваемых в междисциплинарных проектах в социально-экономической предметной области.

В заключение отметим, что, во-первых, аналитическое кодирование и структурный нарратив не являются методами, предназначенными для исследований в какой-то определенной социально-экономической предметной области. Однако и традиционный нарратив, которому привержены исследователи в этой предметной сфере, придуман не в связи с проблемами изучения именно отдельных регионов или гендерных особенностей населения крупного города. Нарратив возник и применяется в значительно более широком социальном контексте. Во-вторых, предметные исследования в любой области экономики или социологии не могут остаться в стороне от общих тенденций цифровизации социальных процессов. Чем полнее исследователи каждой из социально-экономических предметных областей смогут учесть эти тенденции в практике своих изысканий, тем выше окажется их качество.

Источники

Бениаминов Е. М., Лапишин В. А. Уровни представлений онтологий, языки, математические модели и проект Веб-сервера онтологий в стиле Веб 2.0 // НТИ. Сер. 2: «Информационные процессы и системы». — 2012. — № 3.

Каныгин Г. В., Полтинникова С. М., Корецкая В. С. Опыт построения социального знания на основе компьютерных онтологических методов // Социологический журнал. — 2017. — Т. 23, № 3. — С. 25–41.

Каныгин Г. В., Полтинникова С. М., Корецкая В. С. Проблемы смысловой реконструкции теоретического текста в социологии // Петербургская социология сегодня. — 2021. — № 16. — С. 45–63.

Рубашкин В. Ш. Онтологическая семантика. Знания. Онтологии. Онтологически ориентированные методы информационного анализа текстов. — М.: Физматлит, 2013.

Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. Вып. 2020, 2021 гг. — URL: <http://www.iresras.ru/zhurnal-ekonomika-severo-zapada-problemy-i-perspektivy-razvitiya/vypuski.html>.

Allais M. La science économique d'aujourd'hui et les faits // *Revue des Deux Mondes*. — 1990, juin. — P. 54–74.

Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes // *International Sociology*. — 2001. — Vol. 16, No. 3. — P. 387–405.

Berger R. J., Quinney R. The Narrative Turn in Social Inquiry // R. J. Berger, R. Quinney (eds.). *Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry*. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2004. — P. 1–13.

Chergui W., Zidat S., Marir F. An Approach to the Acquisition of Tacit Knowledge Based on an Ontological Model // *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*. — 2020. — Vol. 32, No. 7. — P. 818–828.

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A Conceptual Model of Knowledge Dynamics in the Industry 4.0 Smart Grid Scenario // *Knowledge Management Research & Practice*. — 2020. — Vol. 18, No. 2. — P. 199–213.

Kanygin G., Koretckaia V. Analytical Coding: Performing Qualitative Data Analysis Based on Programming Principles // *The Qualitative Report*. — 2021. — Vol. 26, No. 2. — P. 316–333.

Noy N. F., McGuinness D. L. *Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology*, 2001. — URL: https://protege.stanford.edu/publications/ontology_development/ontology101.pdf (access date: 05.04.2022).

Pope E. M. From Participants to Co-Researchers: Methodological Alterations to a Qualitative Case Study // *The Qualitative Report*. — 2020. — Vol. 25, No. 10. — P. 3749–3761.

UML: Unified Modeling Language 2.5. — 2015. — URL: <https://clck.ru/SMAJH> (access date: 01.03.2022).

Wagner C. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management // *Information Resources Management Journal*. — 2006. — Vol. 19, No. 1. — P. 70–83.

References

Beniaminov E. M., Lapshin V. A. Urovni predstavleniy ontologiy, yazyki, matematicheskiye modeli i proyekt Veb-servera ontologiy v stile Veb 2.0. [Ontology Representation Levels, Languages, Mathematical Models and Ontology Web Server Project in Web 2.0 Style] *NTI. Seriya 2: Informatsionnyye protsessy i sistemy*, 2012, no. 3. (In Russ.)

Kanygin G. V., Poltinnikova S. M., Koretskaya V. S. Opyt postroyeniya sotsial'nogo znaniya na osnove komp'yuternykh ontologicheskikh metodov [Experience in building social knowledge based on computer ontological methods]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 25–41. (In Russ.)

Kanygin G. V., Poltinnikova M. S., Koretskaya V. S. Problemy smyslovoy rekonstruktsii teoreticheskogo teksta v sotsiologii [Problems of semantic reconstruction of a theoretical text in sociology]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 2021, no. 16, pp. 45–63. (In Russ.)

Rubashkin V. Sh. *Ontologicheskaya semantika. Znaniya. Ontologii. Ontologicheskii-orientirovannyye metody informatsionnogo analiza tekstov* [Ontological semantics. Knowledge. Ontologies. Ontologically oriented methods of information analysis of texts]. Moscow, Fizmatlit, 2013. (In Russ.)

Ekonomika Severo-Zapada: problem i perspektivy razvitiya [Economy of the North-West: problems and development prospects]. Vypuski 2020, 2021 gg. URL: <http://www.iresras.ru/zhurnal-ekonomika-severo-zapada-problemy-i-perspektivy-razvitiya/vypuski.html>. (In Russ.)

Allais M. La science économique d'aujourd'hui et les faits // Revue des DeuxMondes. — 1990, juin. — P. 54–74.

Arnason J. Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*, 2001, vol. 16, no. 3, pp. 387–405.

Berger R. J., Quinney R. The Narrative Turn in Social Inquiry. In: R. J. Berger, R. Quinney (eds.). *Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry*. Boulder, Lynne Rienner Publishers, 2004, pp. 1–13.

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A Conceptual Model of Knowledge Dynamics in the Industry 4.0 Smart Grid Scenario. *Knowledge Management Research & Practice*, 2020, no. 18 (2), pp. 199–213.

Kanygin G., Koretckaia V. Analytical Coding: Performing Qualitative DataAnalysis Based on Programming Principles. *The Qualitative Report*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 316–333.

Wagner C. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management. *Information Resources Management Journal*. 2006, vol. 19, no. 1. pp. 70–83.

Noy N. F., McGuinness D. L. *Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology*. URL: shorturl.at/lvUY0 (access date: 05.04.2022).

UML: Unified Modeling Language 2.5. 2015. URL: <https://clck.ru/SMAJH> (access date: 01.03.2022).

Chergui W., Zidat S., Marir F. An Approach to the Acquisition of Tacit Knowledge Based on an Ontological Model. *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*, 2020, no. 32 (7), pp. 818–828.

Каныгин Геннадий Викторович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник. Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. g.kanygin@gmail.com

Kanygin Gennady V., Doctor of Sociology, Leading Researcher. Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. g.kanygin@gmail.com

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-17.pk1r-2m70
EDN: BAEONG

Г. З. ФАЙНБУРГ

ТВОРЧЕСТВО ЗАХАРА ИЛЬИЧА ФАЙНБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКИЕ ОБЩЕСТВОВЕДЫ

Статья содержит материалы неопубликованных работ и личного архива Захара Ильича Файнбурга, центральным стержнем творчества которого был переход развивающегося общества от индивидуалистических формаций к коллективистским. Развита З. И. Файнбургом методология анализа процессов развивающегося общества и многие результаты исследования «исторического места социализма» остаются актуальными и в наши дни. Описаны взаимосвязи деятельности ленинградских ученых с работой Пермской школы социологии. Раскрыта актуальность творческого наследия Захара Ильича Файнбурга для современной социологии будущего и теории советского социализма.

Ключевые слова: историческая социология, деятельностная концепция культуры, экономическая социология, социология будущего, коллективистское общество, творческий характер труда, формационное развитие.

GRIGORY Z. FAINBURG

ZAKHAR ILYICH FAINBURG'S SCIENTIFIC HERITAGE AND LENINGRAD SOCIOLOGISTS

The article contains materials from unpublished works and the personal archive of Zakhar Ilyich Fainburg, the central core of whose work was the transition of a developing society from individualistic formations to collectivist ones. The development of Z. I. Fainburg's methodology for analyzing the processes of a developing society and many of the results of the study of the "historical place of socialism" remain relevant today. The relationship between the activities of Leningrad scientists and the work of the Perm School of Sociology is described. The relevance of the creative heritage of Zakhar Ilyich Fainburg for the modern sociology of the future and the theory of Soviet socialism is revealed.

Keywords: historical sociology, activity concept of culture, economic sociology, sociology of the future, collectivist society, work character, formation development.

...Мы переживаем такие великие дни,
в которые люди проходят, как тени,
но дела этих людей остаются, как скалы.

Г. М. Кржижановский

Введение

Захар Ильич Файнбург* (24.01.1922 — 10.09.1990), столетие со дня рождения которого мы отмечаем в этом году, был одним из тех ученых, кто возрождал социологию в Советском Союзе, сформировал Пермскую социологическую школу, разработал методологию исследования и обосновал многие положения теории развития общества нашего времени, возможные пути его перехода в коллективистское общество будущего.

Интерес Захара Ильича к развитию общества, в котором он жил, был не случайным, а глубоко личностно мотивированным. Любимого сына любимых родителей — репрессированных в 1938 г. активных участников Октябрьской революции, советского строительства в Белоруссии и на Дальнем Востоке, постоянно занимал вопрос: почему развитие советского общества привело к массовым репрессиям лучших деятелей советской власти, армии, науки, культуры, производства?

Так проблема конкретно-исторического развития современного Захару Ильичу общества стала центральной сквозной темой его научного творчества на протяжении всей жизни со студенческой скамьи** до смертного ложа.

Захар Ильич жил в сложные для объективного научного знания времена репрессий и стагнации, а потому целостно охватывающая развитие современного общества мысль Захара Ильича не могла не наталкиваться на сопротивление догматически заскорузлого и крайне жесткого моноидеологического официоза, всячески преследовавшего его на идеологической основе, препятствующего публикациям его идей и научных результатов.

Фундаментальность и масштаб исследования, целостность описания структурно-дифференцированного общества, разнообразных процессов

* См. о З. И. Файнбурге работу (Козлова, Ошуркова 1994).

** Заметим, что даже самое первое упоминание в научной печати имени З. И. Файнбурга связано с вопросами исследования «развития». Выступая среди титулованных ученых на дискуссии 1948 г. в МГУ об «Ученых записках» кафедры политэкономии, студент З. И. Файнбург говорит, «незвирая на лица», об основном недостатке статей, посвященных вопросам социалистической экономики, — *«экономические явления не рассматриваются в процессе их развития»* (Вопросы экономики. — 1948. — № 10. — С. 92–108).

и механизмов его саморазвития, вызванных противоречиями единства и борьбы противоположностей, однозначно требовали монографического описания, но именно в данном случае «по совокупности смертных грехов» рукописи идентифицировались как «идеологически невыдержанные», а потому подлежали «очищающему огню святой инквизиции», естественно, в стиле той эпохи. Сегодня мы знаем две Записки к закрытым Постановлениям ЦК КПСС*, в которых упоминается фамилия Захара Ильича как «идеологически вредного» элемента. Это и были, видимо, первоисточники часто произносимых в редакциях слов: «Возникли непреодолимые трудности с публикацией Вашей работы»**. Ни одна монография Захара Ильича так и не была опубликована при его жизни.

Недаром друг, постоянный и основной соавтор, редактор, секретарь и хранитель научного архива, любимая жена и мать детей Захара Ильича Галина Петровна Козлова*** всегда дополняла известную всем фразу Воланда «рукописи не горят» словами «но исчезают в забвении». Рукописи Захара Ильича, конечно, не сгорели, но пролежали годами (и частично еще лежат) неизданными в семейном архиве и потому остались неизвестными научной общественности.

«Сын врагов народа», «безродный космополит», хотя и доброволец, прошедший фронт 1941–1945 гг., Захар Ильич вынужден был не по своей воле уехать из Москвы, жил и работал в провинции, сначала (1949–1960 гг.) в Йошкар-Оле, а затем (1960–1990 гг.) в Перми, которая его работами стала одним из центров возрождения социологии в Советском Союзе.

Провинциализм жизни не привел к «провинциализму» творчества Захара Ильича, но сильно затруднял и ограничивал возможности публикаций, особенно монографий, участия в крупных научных проектах и международных симпозиумах, хотя одновременно избавлял от ежедневной рутинной столичной суеты и «подковерных схваток». Захару Ильичу повезло: мощной защитой его научных дел и работы заведующим кафедрой основ научного коммунизма и научным руководителем двух лабораторий социологии (образования и промышленности), оберегающих их от разгрома Пермским обкомом КПСС, была позиция ректора Пермского политехнического института Михаила

* Одно по научной фантастике (1966 г.), направленное против творчества А. и Б. Стругацких. Второе — по социологии в ИКСИ, включая «неверную» статью Захара Ильича о ценностных ориентациях личности.

** Бывало, что Захару Ильичу выплачивали гонорар, но так и не издавали работу.

*** См. о Г. П. Козловой работу (Козлова 2019: 176).

Николаевича Дедюкина, ценившего и уважавшего Захара Ильича за профессионализм*.

Круглый отличник и книголюб, Захар Ильич получил прекрасное политэкономическое образование — сначала в МИФЛИ — в этом «лицее в Сокольниках», а затем в МГУ у выдающихся ученых того времени**. Освоенное в годы учебы владение диалектической логикой познания реальности и статистическим анализом эмпирических данных сопровождало всю творческую жизнь Захара Ильича и позволило успешно применить эти эвристически мощные методы к социологическим исследованиям.

За склонность и способность теоретического познания, глубину и оригинальность мыслей Захар Файнбург получил в студенческой среде МГУ своеобразную кличку Карл Маркс, которую из опасений политического характера произносили как Карел Маркес.

В конце 50-х гг. XX в. развитие нашей страны, строительство материально-технической базы «коммунизма», соревнование СССР с США потребовали резкого повышения производительности труда, технического перевооружения производства, что было немыслимо без комплексной механизации и автоматизации труда на рабочих местах, повышения квалификации работающих на них трудящихся, реального развития личности и социальных отношений, избавления от деформирующего социалистическое общество наследия культа личности.

Логичность и обоснованность взглядов Захара Ильича, его энциклопедизм, открытость души и остроумие речи позволяли ему обрести друзей и соратников в первую очередь в Москве, где он когда-то учился и многие его знали еще со студенческой скамьи, в Ленинграде, Свердловске, Уфе, а чуть позже и в Ростове-на-Дону. Это были главные центры круга его общения.

Когда в 1968 г. Президиум АН СССР утверждал состав редколлегии Информационного бюллетеня Института конкретных социальных исследований (фактически — социологического журнала всесоюзного

* Недаром большой портрет М. Н. Дедюкина стоял на книжных полках так, что со своего рабочего места Захар Ильич мог видеть его (портрет появился уже после смерти М. Н. Дедюкина, горного инженера, посланного в 1954 г. из Ленинграда в Пермь для создания там Горного института).

** Окончание его учебы в 1949 г. совпало с началом разгрома и шельмования научных и педагогических кадров на экономическом факультете. Ему самому — лучшему студенту курса и именному стипендиату — была поставлена за дипломную работу (фактически по уровню равную кандидатской диссертации) «хорошо», что позволило не принимать его в аспирантуру и не оставлять работать на факультете. Не найдя места работы, он вынужден был уехать из Москвы.

уровня), то в редколлегию вошли И. В. Бестужев-Лада, Т. И. Заславская, И. С. Кон, З. И. Файнбург, В. А. Ядов. Среди этой плеяды блестящих столичных ученых и докторов наук Захар Ильич был единственным кандидатом наук и провинциалом, что говорит о высокой оценке его научных результатов и потенциала творческой личности.

В. А. Ядов, И. В. Бестужев-Лада, З. И. Файнбург в Перми.
1979 г.

Захар Ильич был одним из тех немногих людей, кто в обстановке жесткого идеологического регламентирования мысли не побоялся заниматься подлинной марксистской наукой, взял на себя смелость сделать то, что принципиально не могли сделать в свое время классики марксизма — детально, на фактологическом и историческом опыте (пусть очень ограниченном по времени) исследовать закономерности формационного перехода от индивидуалистических (экономических) формаций к формации коллективистского (постэкономического) типа.

В его экономических, социологических и культурологических исследованиях очерчена целостная картина «исторического места социализма»*, выявлены основные механизмы формационного перехода от индивидуалистического общества современности к «коллективистскому обществу»** постэкономической цивилизации, выделена в качестве специфической составляющей социального знания «социология будущего»***.

* Понятие и терминологическое клише, введенное З. И. Файнбургом для описания объекта своего научного поиска в середине 60-х гг. XX в.

** Понятие и терминологическое клише, постоянно используемое З. И. Файнбургом.

*** Понятие и терминологическое клише, введенное З. И. Файнбургом для описания объекта своего научного поиска в середине 60-х гг. XX в.

Именно эта целостная концепция, методология и теория, приводящие к результатам, нацеленным в итоге на практику, актуальна до сих пор и, по нашему мнению, на всю видимую перспективу существования современной человеческой цивилизации.

Судьба этого творчества не менее драматична, чем непростая жизнь самого Захара Ильича, к несчастью, ушедшего от нас на переломе официальной общественно-политической идеологии и не успевшего изложить свои опередившие время мысли и научные концепции в рамках запрещенных ранее парадигм и нового понятийно-терминологического аппарата.

Сохранившиеся и переданные в Пермский государственный архив социально-политической истории материалы, охватывающие практически все написанное рукой З. И. Файнбурга от курсовой работы 1947 г. до последней прижизненной строчки, написанной в сентябре 1990 г. в ходе переделки первой главы фундаментального научного труда о коллективистском обществе, позволяют понять и ввести в современный контекст социологической науки эвристически ценное содержание научного творчества З. И. Файнбурга*.

Диалектическая логика познания и ее эвристическая мощь

Диалектическая логика развития реального мира и его редуцированного познания в сочетании с материалистическим подходом к исследованию механизмов социального функционирования — основа теоретической и гносеологической концепции мировоззрения Захара Ильича. Эта концепция всегда трактовалась им как научная методология и теория марксизма. Освоив ее на семинарах** по «Капиталу»

* Библиографическое описание всех опубликованных при жизни работ Захара Ильича содержится в библиографическом указателе (Научный тандем 2004). Анализ этого творчества содержится в работах (Козлова, Ошуркова 1994; Козлова 1994). Две центральные для творчества З. И. Файнбурга монографии, одна — об образном моделировании социальных проблем будущего средствами социально-философской научной фантастики (Файнбург 2007), другая — о коллективистском обществе (Файнбург, Козлова 2013), опубликованы нами как мемориальные издания в Перми. Отдельные статьи, эссе, рецензии З. И. Файнбурга можно найти в трудах Файнбургских чтений — Всероссийских конференций в Перми под названием «Современное общество, вопросы теории, методологии, методы социальных исследований» (1992–2021 гг.). В настоящей статье они не приводятся из-за ограниченности объема публикации.

** Семинары вел любимый учитель Захара Ильича и Галины Петровны — доцент А. А. Пальцев, впоследствии изгнанный из МГУ за прогрессивные взгляды. Благодарные ученики посвятили ему свою книгу «Диалектическая логика политической экономии социализма» (Файнбург, Козлова 1982).

К. Маркса, Захар Ильич успешно развил ее и постоянно применял для теоретического анализа процессов развития современного общества: от «исторического места социализма» до вопросов формационного перехода к коллективистскому обществу, до проблем «социологии будущего» постэкономической (называемой тогда коммунистической) формации.

Еще в 1948 г., при подготовке своей дипломной работы, носившей характерное для творчества Захара Ильича название «Экономические основы перехода от социализма к коммунизму», он внимательно ищет, находит и тщательно конспектирует единичные работы о противоречиях развития социалистического общества, в частности статью Н. Власова* (Власов 1940). На эту содержательную статью, так и оставшуюся в те годы в одиночестве, Захар Ильич ссылаясь всю свою жизнь.

Отлученный от науки, находящийся фактически в ссылке среди ссыльных ленинградских и московских профессоров в г. Йошкар-Оле на протяжении 50-х гг. XX в., Захар Ильич продолжает думать над проблемой источника развития капитализма или коммунизма. Ключевым пунктом понимания сущности развития при переходе к коммунистической формации для Захара Ильича послужили идеи К. Маркса об истории общества как становлении социального**, о членении человеческой истории на предысторию и собственно историю***.

В то время все антимарксисты решительно заявляли, что капитализм, непрерывно изменяющийся и развивающийся, представляет собой вершину цивилизационного развития, длящуюся вечно. В это же время их твердолобые оппоненты говорили аналогичное про «коммунизм», который в их работах, не выходящих за рамки цитат из текстов классиков, представлялся аморфным состоянием всеобщей сытости и полной апатии «удовлетворенности» всем, что только может вообразить наш современник****.

* Истинная фамилия автора неизвестна. Предположительно под этим псевдонимом скрывался крупный экономист, доктор экономических наук и государственный деятель Н. А. Вознесенский, позже расстрелянный по так называемому «ленинградскому делу».

** «...Индивиду не могут подчинить себе свои собственные общественные связи, пока они эти связи не создали» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 46, ч. I. — С. 105).

*** «...Буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» (Там же. — Т. 13. — С. 8).

**** Захар Ильич считал это «утопической» трансформацией элементарно-обывательских стремлений к безграничным «потребительству» и «праздности». Искоренение этих стремлений он считал обязательным условием перехода к коллективистскому обществу (естественно, при наличии развитой экономической базы).

Из записных книжек З. И. Файнбурга, датируемых 1955–1957 гг., хорошо видно, что признание имманентно присущего любому обществу «самодвижения» общества логично приводит к однозначному выводу о неизбежности смены капиталистической формации другой формацией, «посткапиталистической», опирающейся, как это следует из Марксова анализа основных тенденций развития капитализма, на общественную собственность на средства производства. Эта формация, называемая «коммунизмом», обеспечивает всеобщее материальное благосостояние всех членов общества и существует в условиях безусловного снятия всех экономических противоречий сегодняшнего дня, а значит, развивается благодаря своим собственным постэкономическим, т. е. **социальным** противоречиям.

Эвристическая ценность такого чисто логического вывода позволяла задуматься над вопросом: «Чем будет жить „сытый“»? — как образно сформулировал Захар Ильич сам для себя квинтэссенцию наименования непонятных для нас (и не исследованных) противоречий будущего посткапиталистического и постэкономического коммунистического общества. Так родились опережающие эпоху мысли о «социологии коммунизма», почти сразу названной Захаром Ильичом более точно «социологией будущего»*.

Но сначала надо было добиться права называть движущие силы развития общества противоречиями в смысле диалектической логики, а не обыденного сознания, понимающего под ними недостатки. Этому вопросу была посвящена первая статья Захара Ильича (Файнбург 1957) о противоречиях. Опубликованная в местном сборнике ежегодных трудов небольшого провинциального вуза, она осталась незамеченной научной общественностью.

Вторая статья, «К вопросу об основном противоречии при социализме», была издана в 1966 г. (Файнбург 1966). Ее заметили, она стала основной в его творчестве.

Наконец, в 1988 г. в трудах Ленинградского университета, посвященных диалектике, выходит третья статья З. И. Файнбурга, непосредственно посвященная сущности и методологии исследования противоречий коммунистической формации (Файнбург 1988). Изданию этой статьи способствовал Ф. Ф. Вязьков, активно и плодотворно занимавшийся

* Эта смена названия истинного предмета исследования, возможно, носила и «защитно-маскировочный» момент: Захар Ильич писал о противоречиях, которых не должно было быть ни при каких обстоятельствах при «коммунизме», а название «социология будущего», казалось, не затрагивало «коммунизм» напрямую. Но всем рецензентам и редакторам этот «подтекст» был виден, они «ересь» «чувствовали кишками».

проблемами диалектических противоречий и самодвижения, а также дружески знавший Захара Ильича еще со времен своей работы в Пермском политехе (до 1966 г.).

Интересно отметить, что применение именно диалектической логики позволяет объективно оценивать возможности развития капитализма*, что четко понимал З. И. Файнбург. Он обоснованно считал, что капиталистическая формация будет существовать и развиваться до тех пор, пока не будут исчерпаны все возможности существующих экономических противоречий, пока материальные предпосылки коллективистской формации не сформируются в границах предшествующей формации. Более того, он прекрасно понимал то невидимое для многих обстоятельство, что **однотипность** техники и технологических процессов не позволяет советскому обществу обогнать «загнивающий» капиталистический Запад.

Наиболее последовательное применение диалектической логики к фундаментальным процессам развития современного общества было выполнено Захаром Ильичом в книге «Диалектическая логика политической экономии социализма», написанной вместе с Г. П. Козловой (Файнбург, Козлова 1982).

Содержание книги** получилось даже шире ее названия***. Получив шквал положительных отзывов, авторы продолжили развивать ее идеи в цикле работ о методологии К. Маркса и о формационных переходах.

Вопросы формационных переходов всегда были в поле зрения Захара Ильича, и характерно, что последней изданной его работой, которую он держал в руках, была статья «Формационный подход К. Маркса и развитие социализма». В ней (Файнбург Козлова 1990: 25) четко и недвусмысленно было сказано: «Главное сейчас для нас в классическом наследии — *методология формационного анализа*. Созданная на основе богатого опыта истории, она не потеряла своей актуальности». Добавим: до сих пор!

* За что редакторы текстов З. И. Файнбурга часто его ругали. Нужно было писать о «противоречиях» капитализма как о его недостатках и постоянно объявлять его крайне быструю и бесславную гибель.

** Заметим, что марксистская политическая экономия напрямую рассматривала основные механизмы и направление общественного развития, и абсолютно несводима ни к теоретической экономике, ни к *economics*, которыми стали стыдливо заменять понятие «политическая экономия» после распада СССР.

*** Название родилось уже после написания книги, где-то с десятой попытки. Первоначально она называлась «Становление нового исторического типа труда».

Следует отметить, что огромный вклад в развитие этой методологии на основе опыта советского социализма внес своими работами и З. И. Файнбург*.

«Мысленный эксперимент» в познании развития общества

Историкам науки хорошо известен тот факт, что когда теоретическая физика вышла за пределы знакомого нам мира на просторы Вселенной и, одновременно, — в невидимый мир элементарных частиц и квантовых взаимодействий, то появилась потребность в «мысленном эксперименте».

Исчерпав возможности строго научного знания в исследовании еще не наступившего будущего постэкономического общества, Захар Ильич одним из первых в обществознании использовал «мысленный эксперимент» — модели будущего, созданные лучшими произведениями социально-философской научной фантастики и литературной утопии. В сочетании с ретроспективным анализом современности такой подход давал возможности выявить перспективные тенденции развития социума и обосновать ведущие регуляторные воздействия на него.

Захар Ильич хорошо знал научную фантастику, его библиотека научной фантастики занимала несколько шкафов, но для своих работ и рецензий он отбирал лучшие произведения социально-философского характера, описывающие наиболее острые **социальные** коллизии возможного будущего, значимые для современного общества и его развития.

Из старых произведений он более всего ценил «Красную Звезду» А. А. Богданова за ее предсказательный характер Октябрьской революции и судеб социализма в одной отдельно взятой стране**.

Из современных ему авторов он более всего ценил творчество Ст. Лема и братьев Стругацких, с которыми дружил.

Захар Ильич считал, что с исчезновением необходимости все свое время бороться за пищу, одежду, жилище человек получит возможность

* Мы убеждены, что если бы Захар Ильич писал на английском языке и издавался в англоговорящих странах, то его имя стояло бы в ряду всех известных ученых современности, если бы только он опять же по идеологическим причинам не подвергся «санкциям». Все же Захар Ильич был не неомарксист, не псевдомарксист, не исповедовал вульгарный марксизм и марксизм учебников, а был представителем настоящего научного марксизма — теории развития общества.

** См. (Файнбург 1991: 19–21).

развивать все истинно человеческое — творчество, эмоциональный мир, включая любовь, спорт и т. п.

В частности, в своей рецензии на «Солярис» Ст. Лема Захар Ильич пишет: «Большое достоинство книги Лема в том, что она показывает нам будущее любви. Без любви нет жизни. Но писать о любви труднее всего. А для автора книги о будущем — вдвойне. В условиях развитого коммунистического общества любовь по существу свободна от каких-либо внешних препятствий... есть только сама по себе любовь, только единство тела и духа... Но это противоречивое единство» (Файнбург 1963: 264).

Все вышесказанное соотносилось с результатами исследований брака и семьи, которые вела руководимая Захаром Ильичом лаборатория социологии. Захар Ильич очень ценил семейную жизнь и считал семью социальной ячейкой воспроизводства общества, особенно после отмирания экономических соображений поддержания института брака.

Он считал, что центральная проблема обществ коллективистского типа — проблема взаимоотношения коллективного и индивидуального начал — всегда является одной из центральных тем для добротной социально-философской фантастики, пытавшейся моделировать то или иное гипотетическое устройство общества. С одной стороны, антиутопии изображают безусловное и абсолютное подавление личности, индивидуального начала как единственную и безальтернативную возможность общества подчинить своим интересам поведение индивида. С другой стороны, утопии во всех ее вариантах моделируют осознанные самоорганизацию и самоконтроль индивида как безальтернативно необходимые и возможные формы эффективной оптимизации соотношения коллективных и индивидуальных интересов.

Захар Ильич обоснованно считал, что «нельзя перепрыгнуть через формацию», как это было в России, а потому высоко ценил «Попытку к бегству», но особенно «Трудно быть богом» А. и Б. Стругацких.

Особо нужно выделить повесть А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне», которая привлекла внимание Захара Ильича тем, что за внешне фантастическими событиями сюжета в центре внимания оказывается общекультурный поведенческий смысл буржуазного сознания, реакция этого сознания не столько на предметный мир имущественного достатка, сколько на мир человеческих отношений вообще, на отношение к ближнему и самому себе в повседневном течении жизни, во всем ее многообразии.

Увы, если на произведения Ст. Лема ему удалось опубликовать несколько рецензий, то ни одна рецензия на произведения А. и Б. Стругацких не была издана при его жизни — все они были опубликованы нами уже в нашем столетии.

Основной механизм развития современного общества

Так случилось, что первые годы творческого пути Захара Ильича в середине 50-х гг. были связаны с его работой на кафедре конкретной экономики и были посвящены вопросам механизации труда на лесозаготовках — они составили тему его кандидатской диссертации. В 1958 г. Марийский целлюлозно-бумажный комбинат предложил З. И. Файнбургу выполнить анализ уровня механизации труда в его цехах. Работа была серьезная, большая. В эту работу включилась Галина Петровна — так чета Файнбург — Козлова превратилась в своеобразный научный тандем.

Совершенный осенью 1960 г. переезд четы Файнбург — Козлова в г. Пермь позволил развернуть работу по оценке уровня механизации труда по территории всего Западно-Уральского совнархоза. Выполненный в этих работах анализ уровня механизации труда и его связи с культурно-техническим уровнем развития личности трудящихся логично привел экономиста З. И. Файнбурга к решению вопросов социологии, в неформальную общность единомышленников.

В то время в СССР только-только начинают проклеиваться группы энтузиастов, начинавших проводить конкретные социологические исследования, фактически возрождающие социологию на территории нашей страны. Такие имена, как Здравомыслов и Ядов (Ленинград), Зворыкин, Осипов, Колбановский, Новиков (Москва), Коган (Свердловск), Аитов (Уфа), стали все чаще звучать в Перми даже за обедом четы Файнбург — Козлова в присутствии их детей*.

Проведение конкретных исследований требовало надежного инструментария, опыт разработки и применения ранее отсутствовал в советском обществоведении послевоенных лет. Как несомненный лидер выделялся Ленинград, где В. А. Ядов сумел эффективно использовать свою зарубежную стажировку и хорошее знакомство с инструментарием

* Автору этой статьи было в ту пору 14–15 лет, и он хорошо помнит все эти фамилии на слуху. Чаще всего всех этих людей называли по имени, даже без отчества. Все они составляли некую тесную неформальную группу дружелюбно настроенных друг к другу единомышленников.

западных социологов, и Москва, затеявшая совместное сравнительное советско-польское исследование, позволявшее вплотную познакомиться с опытом хорошо развитой в Польше социологии, копировавшей инструментарий американских социологов.

Работы научного тандема Файнбург — Козловой легко вписались в эту ситуацию, ибо опирались на почти пятилетний опыт работы на предприятиях, на освоенные еще в студенчестве методы статистического анализа.

Написанная несколько позже в Ленинграде знаменитая и эпохальная книга «Человек и его работа» (Здравомыслов, Рожин, Ядов 1967) содержит ссылки на работы Файнбурга — Козловой, чем последние всю свою жизнь очень гордились, и естественно, дарственные надписи. Она стояла в ряду подаренных чете Файнбург — Козлова работ рядом с не менее знаменитой книгой «Социология личности» И. С. Кона (Кон 1967), в которой тоже можно было найти ссылки на работы Файнбург — Козловой.

Всесоюзная известность пришла к чете Файнбург — Козлова в 1963 г., когда одновременно были опубликованы три знаковых работы.

Первая (Файнбург, Козлова 1963) подводила итог кропотливого многолетнего конкретного исследования.

Вторая (Козлова, Файнбург 1963) переворачивала устоявшиеся представления, ставила их «с головы на ноги», четко и недвусмысленно проводила причинно-следственную связь влияния условий труда, его содержания и характера на социальные процессы и показатели.

Третья (Файнбург 1963) была написана как рецензия на роман Ст. Лема «Солярис» и формально лежала за пределами Ойкумены тогдашней советской социологии, но ставила ряд глобальных проблем, а главное, была опубликована самим А. Т. Твардовским в журнале «Новый мир», который тогда был самым читаемым, самым престижным и самым прогрессивным журналом широких кругов интеллектуальной прогрессивно настроенной интеллигенции.

Поскольку вопросы механизации труда и ее влияния на социальные отношения рассматривались Захаром Ильичом на различных уровнях общности: рабочего места, отдельного производства, социальных групп, общества в целом, то постепенно вырисовывалась целостная картина развития советского общества, которая позволила выявить механизмы влияния научно-технического прогресса на развитие общества.

Исходным пунктом всего процесса развития является труд, ибо повышение уровня механизации и автоматизации труда требует повышения профессиональной компетентности трудящегося, погруженного

в различные структуры и процессы социума. Тем самым развитие характера труда требует развития личности работника, что, в свою очередь, приводит к развитию всего общества.

Эта причинно-следственная цепочка была тем своеобразным стержнем научной концепции развития, который все время искал Захар Ильич, ибо на этот стержень можно было нанизать все свойства общества как организованной саморазвивающейся целостной системы: образование, культуру, образ жизни, семью, спорт как публичное общественное отношение, социальное планирование личности, производственного коллектива, территориальной общности и т. д.

Таким образом, Захаром Ильичом был найден основной механизм развития современного общества, заключающийся в том, что неуклонно и бурно развивающийся научно-технический прогресс закономерно ведет к новому историческому типу труда, который, в свою очередь, требует развития личности работника, что, в свою очередь, преобразует общественное производство, общественные отношения и общество в целом.

В своей докторской диссертации по философии (1972) «Развитие социалистического общества и научно-техническая революция» Захар Ильич нарисовал целостную картину развития общества, показал, **как** научно-техническая революция изменяет функциональное содержание труда, его социально-экономический характер, общую систему социальной организации, характер и даже тип культуры и, наконец, тип общественного сознания, т. е. духовную жизнь общества.

На защите диссертации официальный оппонент профессор В. А. Ядов в своем отзыве* особо отметил мощь теоретической концепции диссертанта: на представительном эмпирическом материале был показан процесс, в ходе которого следствие этого процесса — развитие личности — само, в свою очередь, становится причиной, импульсом развития производства и общества, образуя основной цикл самодвижения общества. Исключительно интересной, по мнению В. А. Ядова, была 5-я глава диссертации, посвященная анализу культуры и ее развития вследствие НТР, затрагивающая проявления «вещизма» и использования человека как средства в рамках культуры эквивалентных отношений.

В итоге В. А. Ядов писал: «Работы З. И. Файнбурга в области социальной прогностики, его исследования культуры, сферы труда, социального планирования и образования — все это давно обеспечило

* Архивная копия отзыва, хранящаяся в ПермГАСПИ.

автору широкую известность и репутацию одного из крупнейших специалистов в области социологических исследований актуальных проблем современности».

Культура как технология общественного развития

Социологическая концепция Захара Ильича была направлена на развитие человека, который в деятельности реализовывал свои ценности, удовлетворял интересы и потребности, что, в свою очередь, способствовало развитию общества, а потому его опубликованные мысли о культуре быстро превратились в существенное развитие **деятельностной концепции культуры**.

В его логике понимания социальных механизмов развивающегося общества, как внутренне противоречивого социального организма, культура занимала центральное место, являясь важнейшим передаточным звеном от изменения содержания и характера труда к изменениям в социальной организации общества.

Недаром в литературе Захара Ильича называют культурологом чаще, чем социологом. Его работы «Ценностные ориентации личности в некоторых социальных группах социалистического общества», «Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы)» были отнесены Галиной Петровной к десяти лучшим его публикациям.

В те годы представление о человеческой деятельности как единстве жизнедеятельности и сознания было развито в работах известного ленинградского философа и культуролога М. С. Кагана. Общность воззрений быстро привела к дружбе. Хорошие отношения З. И. Файнбурга с М. С. Каганом четко отражает шуточное дружеское послание последнего на 65-летие Захара Ильича, полученное как телеграмма: «Загадочное поздравление: Текст зачитывается вслух на торжественном заседании или банкете, и все присутствующие должны хором скандировать угадываемые фамилии:

Для друзей он просто „файн*“,
Для науки — крепкий „бург“,
Кто же это, угадай?
Это славный наш ... [Файнбург]!

* Немецкое *fein* (файн) означает изящный, прелестный, прекрасный, а *burg* (бург) — замок, крепость, город.

Вместе с вами будет пьян
В этот день ваш друг ... [Каган].
Он и город Петербург
Шлют привет тебе, ... [Файнбург]!»

Наука в многообразии своих проявлений

Наука всегда интересовала Захара Ильича не только как деятельность, которой он был занят всю свою жизнь, не только как существенный элемент культуры, не только как важнейшая форма творческого труда, но и как непосредственная производительная сила, как основание для реализации планомерности, как основа для принятия политических решений.

Он неоднократно писал, что разгром обществоведения в Советском Союзе, превращение общественных наук из инструмента поиска объективной истины в вульгарный агитпроп высказываний «теневого» окружения политических лидеров предопределяют путь проб и ошибок, череду неудач развития нашего общества.

В заметках для себя Захар Ильич писал о **трагедии*** советского обществоведения — возврате к донаучным временам субъективистского управления, ибо *«теорию»* (науку) отделили от *«практики»* (политики)». Более того, по его мнению, все кардинальные по содержанию главы в плохих учебниках были написаны «наоборот», а сами учебники стали нормативными взглядами и указаниями для науки.

В этом связи следует отметить, что борьба Захара Ильича за правильное формирование курса научного коммунизма, других дисциплин обществоведческого цикла, за истинно практическую функцию марксистского обществознания и т. п. была борьбой за науку, за принятие решений на основе науки, а не вопреки ей**.

В те годы социологией науки занимались преимущественно в Ленинграде, и научная тематика, разрабатываемая такими известными учеными, как И. А. Майзель и С. А. Кугель, вполне вписывалась в проблематику Захара Ильича, получившую публикации в Ленинграде.

Захар Ильич отрицал всеобщее занятие наукой при коммунизме, считая, что творческий труд намного шире по разнообразию, чем

* Многократно подчеркнуто самим Захаром Ильичом.

** Например, в августе 1988 г. в журнал «Коммунист» была отослана статья-письмо «Учебники марксистского обществоведения: острота проблемы и найденные решения...». Статья была отвергнута, ибо никакие решения, кроме решений по личному благополучию, уже никого не интересовали.

научная работа. Многие его записки по вопросам науки остались неопубликованными.

Его волновала прогностическая функция социальных наук, которую он всячески развивал. Он считал необходимым постоянно преодолевать две крайние, а потому неэффективные точки зрения. Во-первых, недооценку возможностей реального управляющего воздействия субъективного фактора и упование на некий спонтанный автоматизм оптимизации социального процесса, а во-вторых, ложное отождествление любого субъективно сформировавшегося воздействия с объективно-закономерным, на основе фактического отрицания необходимости верификации объективной обусловленности субъективных решений.

Захар Ильич разделял идеологическую и практическую функции науки, считая, что наука должна работать на опережение, не плестись в хвосте событий, занимаясь их описательством, а готовить научно обоснованные варианты будущих решений. Он считал, что наука не может целиком снять спонтанность человеческих действий, но обязана обеспечить планомерную направленность социального развития. Эта ее способность и назначение стали, по его мнению, в современном обществе безальтернативным посылом, ибо речь пошла о выживании человечества.

В годы перестройки Захар Ильич много писал о практической функции общественных наук, но его письма и статьи не публиковали.

Социально-прогностическая сила научного предвидения

Общеизвестно, что только та наука требуется практике, которая обладает предсказательной силой, позволяет предвидеть результаты тех или иных действий. Недаром современная наука так полюбила понятие «риск» (неопределенность результата), что все сильнее затрудняется в обосновании своих прогнозов или передоверяет их компьютерной «магии» big data и искусственного интеллекта.

Владея диалектикой, Захар Ильич удивительно улавливал (иногда на уровне интуиции) развитие ключевых тенденций и занимался почти только ими. Он обладал предвосхищением потребности общества и умел обратить это чувство в рациональные колонки цифр и безупречную логику размышлений. Его метод был аналитическим. Он умел расчлнить целое, выстроить теорию развития того или иного объекта, определить его наиболее характерные показатели / индикаторы / маркеры и затем

определить последние в конкретном исследовании. И всегда это давало блестящие и ожидаемые результаты.

В середине 50-х гг. Захар Ильич начал исследовать уровень механизации труда на промышленных предприятиях, но только через пять-шесть лет это стало актуальным, а для него — пройденным этапом.

Исследование изменения характера труда под воздействием научно-технического прогресса привело Захара Ильича еще в конце 60-х гг. к изучению образа жизни и к социальному планированию. В 1986 г. на XXVII съезде КПСС все эти три направления были признаны важнейшими направлениями развития общественных наук. Начался ажиотаж, всем всё стало нужно, но большинство не знало, что и как делать, ибо не занималось этими вопросами, а у Захара Ильича они были давно проработаны.

Перестройку Захар Ильич встретил, как и все советские люди, с надеждой на решительный рывок советского социализма к лучшему, но почти сразу понял, что никто ничего делать не собирается, что мечта (по словам* Захара Ильича) всех власть предержащих, даже академически титулованного окружения Горбачева, это обладание личным «золотым унитазом». Слова эти Захара Ильича воспринимались тогда** исключительно как аллегория, и только недавно настоящие унитаза из чистого золота стали находить при обыске у высокопоставленных чиновников. Даже в этом Захар Ильич оказался прав.

Весной 1987 г. после выхода на экраны фильма-аллегии Т. Абуладзе «Покаяние» по просьбе студентов Захар Ильич прочитал цикл трех открытых лекций о культе личности. В стране еще не разрешили говорить об этом открыто, и Захар Ильич многим рисковал. Переполненный актовый зал — люди стояли в проходах, сидели на подоконниках, на сцене... — слушал его тихие, выверенные слова не только о фактах, но и о теории общественного развития, приведшего к репрессиям Большого террора. Эти лекции вызвали огромный резонанс, в том числе Захару Ильичу звонили из Москвы, расспрашивали об идеях, мыслях, оценках и тут же срочно бежали публиковать от своего имени... Книгу Захара Ильича, написанную по итогам этих лекций, удалось опубликовать только через четыре года, в 1991 г. (Файнбург 1991). При жизни он ее так и не увидел.

* Автору статьи запомнилось, что эти слова прозвучали при обсуждении речи М. С. Горбачева в Риге в 1987 г.

** В том числе и автором этой статьи.

Уже после смерти Захара Ильича, в годы разрухи и развала постсоветского общества в 90-х гг., автора этой статьи часто спрашивали: предвидел ли Захар Ильич такой поворот событий? Как бы он его объяснил? Все спрашивавшие еще помнили его блестящие лекции о культе личности, верили ему, думали, что у него наверняка на все были свои ответы.

Да, он многое знал, а потому последние научные статьи и публичные выступления Захара Ильича были посвящены теории развития советского общества. Он считал, что у нашего общества еще есть шанс, и призывал им воспользоваться. Увы, этого не произошло. Одними из последних его слов при жизни были слова: «Маятник качнулся вправо!»

Распада СССР Захар Ильич уже не увидел, но он ранее писал, что всемирный переход от капитализма к коммунизму может занять не меньшее время, чем 500-летний переход от феодализма к капитализму, поскольку это достаточно сложный и во многом очень болезненный для сложившегося социума и отдельных личностей процесс (Файнбург 1991).

Основным препятствием такого перехода Захар Ильич видел всевластие заикленной на личное благополучие социально безответственной и бесконтрольной бюрократии*.

Неоднократно беседуя с автором этих строк незадолго до своей смерти осенью 1990 г., Захар Ильич говорил и о близком будущем нашего общества. Подавляющее большинство его предвидений сбылось. Общая тенденция и общая картина были угаданы точно, а небольшие отличия в мелочах лишь показывают, что Захар Ильич был социальным оптимистом и в целом думал о людях лучше, чем они того, видимо, реально заслуживают.

В одном из вариантов написанной более 50 лет назад рукописи книги о будущем Захар Ильич писал:

«Путь к будущему „завтра“ лежит через ближнее „сегодня“. Но сегодня у будущего еще много врагов. ... За будущее надо платить: лучше, если бы только потом, но пока еще приходится платить и кровью... Будущее не придет само собой — и мы это знаем.

Человечество с тревогой смотрит в будущее...

С тревогой, но и с надеждой и уверенностью».

* Детальная и бескомпромиссная оценка «мелкобуржуазности» бюрократии содержится в рецензии З. И. Файнбурга на «Улитку на склоне» А. и Б. Стругацких (Файнбург 2008).

Послесловие

Оставшееся после Захара Ильича идейное и теоретическое наследие огромно, содержит массу эвристически ценных для современной социологии положений, ждет своих исследователей и последователей.

Благодарю всех известных и неизвестных автору людей, принимавших, принимающих или, может быть, собравшихся в будущем принять участие в сохранении и преумножении творческого наследия Захара Ильича Файнбурга и его «верного Санчо Пансы» — Галины Петровны Козловой.

Прошу прощения, что не могу назвать всех поименно, ибо список очень объемен, а благодарности конкретно каждому слишком длинны из-за того, что вклад каждого индивидуален и неоценим.

Источники

Козлова Галина Петровна // Социология России в лицах: история и современность. — М.: Весь МИР, 2019. — С. 176.

Козлова Г. П. О научном наследии З. И. Файнбурга (24.01.22 — 10.09.90) // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. — Пермь, 1994. — С. 174–183.

Козлова Г. П., Ошуркова Р. А. Захар Ильич Файнбург // История и методология науки. — Пермь. — 1994. — Вып. 1. — С. 181–214.

Козлова Г. П., Файнбург З. И. Изменение характера труда и всестороннее развитие человека // Вопросы философии. — 1963. — № 3. — С. 55–62.

Кон И. С. Социология личности. — М.: Политиздат, 1967. — 383 с.

Научный тандем: Файнбург Захар Ильич — Козлова Галина Петровна / Библиографический указатель. — Пермь: Изд. ПГТУ, 2004. — 84 с.

Файнбург З. И. К вопросу о противоречиях при социализме // Сборник трудов Поволжского лесотехн. ин-та. — Йошкар-Ола. — 1957. — Вып. 1. — С. 45–60.

Файнбург З. И. Желанное, но трудное будущее (Станислав Лем. Солярис. Фантастическая повесть) // Новый мир. — 1963. — № 4. — С. 262–265.

Файнбург З. И. К вопросу об основном противоречии социализма // Экономические науки. — 1966. — № 6. — С. 14–24.

Файнбург З. И. Смена исторического типа культуры в условиях современности (некоторые вопросы методологии проблемы) // Известия Северо-Кавказского науч. центра высшей школы. Сер. «Общественные науки». — 1978. — № 1 (21). — С. 28–35.

Файнбург З. И. Противоречия коммунистической формации: сущность и методология исследования // Противоречие как источник развития (Проблемы диалектики. Вып. XIII). — Л., 1988. — С. 97–111.

Файнбург З. И. Не сотвори себе кумира...: Социализм и «культ личности»: (Очерки теории). — М.: Политиздат, 1991. — 319 с.

Файнбург З. И. Предвидение против пророчеств: Современная утопия в облике научной фантастики. — Пермь: Изд-во ПГТУ, 2007. — 280 с.

Файнбург З. И. Философская художественная фантастика и некоторые социальные реалии современности (размышления по поводу философской фантастической повести А. Н. и Б. Н. Стругацких «Улитка на склоне») // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. — Пермь, 2008. — Т. II. — С. 208–234.

Файнбург З. И., Козлова Г. П. Технический прогресс и изменения в характере труда при переходе от социализма к коммунизму / Ин-т экономики АН СССР. — М., 1963. — 23 с.

Файнбург З. И., Козлова Г. П. Диалектическая логика политической экономики социализма. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. — 138 с.

Файнбург З. И., Козлова Г. П. Формационный подход К. Маркса и развитие социализма // Экономические науки. — 1990. — № 6. — С. 24–37.

Файнбург З. И., Козлова Г. П. Коллективистское общество. Идеал. Теория. Реальность. — Пермь: Изд-во Пермского нац. исслед. политехн. ун-та, 2013. — 352 с.

Человек и его работа (социологическое исследование) / Под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. — М.: Мысль, 1967. — 392 с.

References

Kozlova Galina Petrovna. *Sociology of Russia in faces: history and modernity*. Moscow, Ves mir, 2019, pp. 176. (In Russ.)

Kozlova G. P. On the scientific heritage of Z. I. Fainburg (24.01.22 — 10.09.90). *Modern society: issues of theory, methodology, methods of social research*. Perm, 1994, pp. 174–183. (In Russ.)

Kozlova G. P., Oshurkova R. A., Zakhar Ilyich Fainburg. *History and methodology of science, iss. I*. Perm, 1994, pp. 181–214. (In Russ.)

Kozlova G. P., Fainburg Z. I. Changing the nature of labor and comprehensive human development. *Voprosi filosofii*, 1963, no. 3, pp. 55–62. (In Russ.)

Kon I. S. *Sociology of personality*. Moscow, Politizdat, 1967, 383 p. (In Russ.)

Scientific tandem: Fainburg Zakhar Ilyich — Kozlova Galina Petrovna / Biobibliographic index. Perm, PSTU publ., 2004, 84 p. (In Russ.)

Fainburg Z. I. On the issue of contradictions in socialism. *Sbornic trudov Povolzhskogo lesotehnic. in-ta*. Yoshkar-Ola, 1957, (issue 1), pp. 45–60. (In Russ.)

Fainburg Z. I. Desirable but difficult future (Stanislav Lem. Solaris. Fantastic story). *Novii mir*, 1963, no. 4, pp. 262–265. (In Russ.)

Fainburg Z. I. To the question of the main contradiction of socialism. *Economicheskie nauki*, 1966, no. 6, pp. 14–24. (In Russ.)

Fainburg Z. I. Change of historical type of culture in modern conditions (some questions of problem methodology). *Izvestiya Severo-Kavkazskii nauchnii center vishego obrazovaniya. Socialnii nauki*, 1978, no. 1 (21), pp. 28–35. (In Russ.)

Fainburg Z. I. Contradictions of the communist formation: essence and methodology of research. *Protivorechiya cac istochnik rasvitiya (Problemi dialectici. Issue XIII)*. Leningrad, 1988, pp. 97–111. (In Russ.)

Fainburg Z. I. *Do not create an idol for yourself...: Socialism and the "cult of personality": (Essays on theory)*. Moscow, Politizdat, 1991, 319 p. (In Russ.)

Fainburg Z. I. *Foresight against prophecy: Modern utopia in the guise of science fiction*. Perm, Publ. Perm. Gos. Techn. un-ta, 2007. 280 p. (In Russ.)

Fainburg Z. I. Philosophical art fiction and some social realities of our time (reflections on the philosophical science fiction story by A. N. and B. N. Strugatsky "Snail on the Slope"). *Sovremennoe obchestvo: theoria, methodologia, methodi socialnich issledovanii*. Perm, 2008, vol. II, pp. 208–234. (In Russ.)

Fainburg Z. I., Kozlova G. P. *Technical progress and changes in the nature of labor during the transition from socialism to communism* / In-t ekonomiki USSR Akademii nauk. Moscow, 1963. 23 p. (In Russ.)

Fainburg Z. I., Kozlova G. P. *Dialectical logic of the political economy of socialism*. Saratov, Publ. Saratovskogo un-ta, 1982, 138 p. (In Russ.)

Fainburg Z. I., Kozlova G. P. The formation approach of K. Marx and the development of socialism. *Economicheskie nauki*, 1990, no. 6, pp. 24–37. (In Russ.)

Fainburg Z. I., Kozlova G. P. *Collectivist Society. Ideal. Theory. Reality*. Perm: Publ. Perm. nat. issled. polytechnic. un-ta, 2013, 352 p. (In Russ.)

Man and his work (sociological research) / Ed. A. G. Zdravomyslova, V. P. Rozhina, V. A. Yadova. Moscow, Misl, 1967. 392 p. (In Russ.)

Файнбург Григорий Захарович, доктор технических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, директор Института безопасности труда, производства и человека Пермского национального исследовательского политехнического университета, Пермь, Россия.
faynburg@mail.ru

Fainburg, Grigory, Doctor of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Director of the Institute of Safety & Health of Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia. faynburg@mail.ru

М. Е. ИЛЛЕ

**СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ —
ОДНА ИЗ ВАЖНЫХ ФУНКЦИЙ СОЦИОЛОГИИ
(на примере журнала «Телескоп»)***

Основной акцент в тексте делается на публикациях первых лет существования журнала, когда его первоначальное название «„Телескоп“: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» точно отражало направление журнала в момент его создания. В статье утверждается, что социология сродни фотографии и документальному кино — результаты исследований позволяют сохранить и передать будущему описание времени в тех фактах, деталях, ракурсах, которые доступны именно социологии.

Ключевые слова: повседневность, история повседневности, количественные исследования, социология, функция социологии в сохранении описания жизни людей.

MIKHAIL E. ILLE

**PRESERVATION OF THE HISTORY
OF PEOPLE'S EVERYDAY LIFE AS ONE
OF THE IMPORTANT FUNCTIONS OF SOCIOLOGY
(on the example of the journal “Telescope”)**

The main focus of the article is on the publications of the first years of the journal, when its original title “‘Telescope’: Observations on the everyday life of Petersburgers” accurately reflected the direction of the journal. The article argues that sociology is akin to photography and documentary films — the results of research allow us to preserve and transmit to the future the description of time in those facts, details, angles that are available specifically to sociology.

Keywords: everyday life, history of everyday life, quantitative research, sociology, function of sociology in preserving the description of people's lives.

Основное внимание в статье будет уделено редакционной политике журнала в первые годы его издания и анализу того, в какой мере задуманное было осуществлено практически.

* Текст основан на выступлении на юбилейной конференции СПАС «Тревожное общество и (не)возможность солидарности», 15–16 апреля 2022 г.

Первоначальное название журнала «„Телескоп“: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев» достаточно точно отражало идеологию, направление журнала. Интерес к описанию и пониманию повседневной жизни людей — характерная черта парадигмы гуманитарного знания последних десятилетий, и не последняя роль в решении этой задачи принадлежит социологии. У так называемых количественных опросов населения, если они выполнены строго с соблюдением всех методических требований, есть одна важная функция, на которую, как мне кажется, обращают недостаточное внимание. Она сродни фотографии, документальному кино — полученные результаты этих исследований способны сохранить и передать будущему описанию времени в тех фактах, деталях, ракурсах, которые доступны именно социологии.

Журнал с момента его основания не проводил различия между социологическими и маркетинговыми исследованиями, полагая, что потребительское поведение горожан не менее важно в анализе их повседневной жизни, чем политические симпатии и даже возникающие социальные проблемы.

Первоначально среди коллег социологов было весьма сдержанное отношение к журналу, но постепенно отношение к изданию стало меняться, во многом потому, что практически с первых номеров издание поддерживали известные в городе социологи: Татьяна Протасенко, Леонид Кесельман, Олег Божков, Дмитрий Гавра, Николай Соколов и многие другие. Активную поддержку с первых лет выхода журнала оказывали А. Алексеев, В. Голофаст, Б. Докторов. О Борисе Зусмановиче Докторове нужно сказать особо. Начиная с 2000 г. он начинает публикацию текстов в журнале о становлении и развитии в США исследований общественного мнения и рекламы, что привлекло внимание к журналу не только социологов, но и специалистов в сфере маркетинга, рекламы. В 2004 г. публикуется подборка текстов, посвященных 75-летию Б. Грушина, с этих текстов берет начало рубрика «Современная история российской социологии», в которой Докторов публикует интервью с российскими социологами и другие тексты, так или иначе раскрывающие историю советской / российской социологии. Эти публикации вызывают большой интерес социологической общественности.

Нередки его публикации и на другие темы, короче говоря, Б. Докторов — самый активный автор, и его вклад в существование и развитие журнала невозможно переоценить.

В 2003 г. две статьи в журнале опубликовал В. А. Ядов, что, очевидно, способствовало повышению авторитета издания. Так, стараниями

коллег журнал становился достаточно известным и уважаемым. Расширяется география авторов, появляются новые тематические рубрики, что и стало причиной смены названия журнала в 2007 г., он стал называться **«Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований»**. Поскольку тематика журнала уже перестала быть чисто городской, и новое название точнее выражало его направленность (на рис. 1 представлено количество публикаций по основным тематическим рубрикам).

Приобретая что-то новое — темы, авторов, — как правило, утрачиваешь те достижения, которые раньше составляли ядро и основу издания. Если посмотреть на данные табл. 1, то можно увидеть, как резко уменьшается количество публикаций, которые раскрывали особенности повседневной жизни петербуржцев, а именно эта цель была основополагающей при создании журнала. Публикации по теме «социальные проблемы» сокращаются в три раза, «потребительский рынок» и рынок СМИ к 2017 г. практически исчезает из публикуемых материалов. И это не потому, что таково было желание редактора, нет, я по-прежнему с удовольствием размещал в журнале подобные статьи, но их становилось с каждым годом все меньше и меньше. Почему это происходило? Думаю, что во многом на это влияли следующие причины. Во-первых, появились компании, монополизировавшие рынок. Так, например, СНИЦ много лет занимался изучением продовольственного рынка Петербурга, но потом появилась компания, уже не помню, как она называлась, которая вышла на рынок с ежеквартальным отчетом о ситуации на этом рынке, их данные, на наш взгляд, были не самыми достоверными, но постепенно большинство наших постоянных клиентов стали пользоваться этими отчетами, поскольку на них стали ориентироваться основные участники рынка. Аналогичная монополизация произошла и на рынке масс-медиа. И, во-вторых, то небольшое, что исследовалось под конкретный заказ, клиентом, как правило, «закрывалось» и разрешение на публикацию результатов не давалось.

Таким образом, функция социологии по сохранению истории повседневности, о которой было заявлено в начале текста как основной темы публикуемого текста и к которой мы наконец переходим, была в той или иной степени осуществлена журналом только в первые годы издания. Посмотрим, какую информацию журнал публиковал на своих страницах в 1997–2002 гг. и в какой мере это позволяет говорить о сохранении реальных свидетельств жизни петербуржцев на рубеже веков.

Рис. 1. Количество публикаций по основным тематическим рубрикам 1997–2019 гг.

Таблица 1

Изменение количества публикаций по важнейшим тематическим рубрикам в 1997–2017 гг.

Тематическая рубрика	Количество публикаций		
	1997 г.	2007 г.	2017 г.
Социальные проблемы	9	3	3
Социально-политические исследования	4	3	3
Рынок масс-медиа	5	3	0
Потребительский рынок	10	3	1

Далее будет представлен список статей по основным тематическим рубрикам, опубликованным в эти годы, и дан краткий комментарий к списку этих публикаций. (Полный список текстов, опубликованных журналом в эти и последующие годы, можно увидеть на старом сайте журнала www.old.teleskop-journal.spb.ru.)

В табл. 2 представлены статьи, которые были отнесены к рубрике «социальные проблемы». Мы видим, что эти проблемы были представлены достаточно в широком диапазоне: это, конечно, доходы и расходы горожан, коммунальная реформа и проблемы задолженности в оплате коммунальных услуг, но это и проблемы школы, физического здоровья и доступности медицинской помощи, проблемы наркотизма и субъективной защищенности от насилия и многое другое. Обращает на себя внимание, что у большинства опубликованных статей авторы имеют отношение к так называемой академической социологии — это или сотрудники Социологического института (сначала это СПб филиал института социологии РАН), или Центра социологических исследований факультета социологии СПбГУ. (Авторы Центра изучения и прогнозирования социальных процессов — Л. Кесельман и М. Мацкевич, несмотря на независимость Центра, одновременно сотрудники Социологического института, и их логично отнести к академической социологии.)

В табл. 3 представлены публикации, анализирующие рынок СМИ. Это в эти годы очень перспективный рынок: радио и телевидение, газеты и журналы — все в фокусе внимания социологов и маркетологов, поскольку многочисленные рекламодатели хотят разместить свою рекламу наиболее эффективным образом, попасть точно в свою целевую аудиторию, поэтому рейтинги СМИ и характеристики их аудитории пользуются повышенным спросом. Многие независимые исследовательские компании активно участвуют в анализе рынка масс-медиа, что наглядно показывает табл. 3, и, в целях продвижения своих исследований, чтобы каким-то образом продемонстрировать потенциальному заказчику свои достижения на этом рынке, они охотно размещают свои результаты на страницах журнала.

Отметим, что в этом случае «академические» социологи представлены незначительно.

В табл. 4 представлены публикации по теме «социально-политические исследования». Как нетрудно заметить, основное внимание в этих текстах уделялось предстоящим избирательным кампаниям того времени и перспективам тех или иных кандидатов. Анализировались

и политические симпатии и настроения петербуржцев вне их непосредственной связи с избирательными проблемами. Отметим, что в это время одними из активных заказчиков этой тематики, наряду со средствами массовой информации, были политические партии и объединения того времени. Можно выстроить несложную прямолинейную зависимость: от изучения актуальных проблем населения к рейтингу основных СМИ, формирующих общественное мнение, и через них к воздействию на отношение горожан к различным политическим фигурам и партиям. Понятно, что реальные политические симпатии не выстраивались так однолинейно с теми или иными актуальными для населения социальными проблемами, но какое-то влияние на политическое сознание горожан они оказывали.

Отметим Центр социологических исследований факультета социологии (Д. Гавра и Н. Соколов) и Центр Леонида Кесельмана, наиболее активно изучавших политическое сознание горожан в переломный период нашей страны.

В табл. 5 представлен неполный список текстов, опубликованных в журнале в рубрике «потребительский рынок» (этих публикаций так много, что их невозможно разместить в таблице на одной странице, весь список можно посмотреть на сайте журнала). Прежде всего отметим множество направлений в исследовании этого рынка. Бесспорным лидером является продовольственный рынок, который изучается во всем его разнообразии: это и различные напитки, овощи и растительное масло, кофе и макароны и т. д., и т. п. Но предметом изучения являются и другие рынки: строительные товары и одежда, косметика и бытовая химия и многое другое. Активное изучение этого рынка объясняется высоким уровнем конкуренции — производители хотят знать свое место в оценках потребителей, лучше понимать, кто является их целевой аудиторией, что надо делать, чтобы повысить доверие к себе и своей продукции. Важно изучение рынка для проведения маркетинговых кампаний в целом: что надо рекламировать, где более эффективно размещать рекламу, какие дополнительные мероприятия необходимы для продвижения своей продукции на рынке и другие аспекты, способствующие успешной работе компании.

Вполне естественно, что в изучении этого рынка доминируют независимые социологические и маркетинговые центры, участие «академических» социологов в данном случае скорее исключение из сложившейся в то время исследовательской практики.

Таблица 2

Публикации в рубрике «Социальные проблемы»

Петербургские жители и их доходы	ИФ «Крона Корсинто»	1997
Рынок страховых услуг	Независимый аналитический центр	1997
Реальные проблемы современной школы в восприятии учащихся и их родителей	О. Божков, СПб филиал Ин-та социологии РАН	1997
Жилищно-коммунальная реформа в общественном мнении петербуржцев	Д. Гавра, факультет социологии СПбГУ, Е. Тишин, ИСЭП РАН	1997
Год прожили — и ладно... (результаты опроса общественного мнения по итогам 1997 г.)	Независимый аналитический центр (НАЦ)	1998
«Где деньги, Зин?» (отношение петербуржцев к коммунальной реформе)	Независимый аналитический центр	1998
Массовое жилищное строительство и изменения в повседневной жизни горожан	Е. Герасимова, Европейский ун-т в СПб, Центр независимых социолог. исследований (ЦНСИ)	1998
Динамика уровня жизни петербуржцев за шесть лет экономических реформ	Т. Протасенко, О. Фадеева, СПб филиал Ин-та социологии РАН	1998
Жилищные компенсации и задолженность населения по оплате жилья и коммунальных услуг в Санкт-Петербурге	Н. Корнев, СПб филиал Ин-та социологии РАН	1999
Качество жизни в оценках городского населения России	Н. Федорова, Э. Фомин, ЦНСИ	1999
Мониторинг доступности жилищной компенсации нуждающимся семьям в Санкт-Петербурге: многодетные семьи, май 1999 г.	Н. Корнев, СПб филиал Института социологии РАН	1999
Население Санкт-Петербурга — детали социально-экономического портрета	И. Васильев, А. Вейхер, ИФ «Крона Корсинто»	1999
Доходы и расходы петербуржцев	ИФ «Гортисс»	1999
Субъективная защищенность от насилия	Л. Кесельман, М. Мацкевич, Центр изучения и прогнозирования социальных процессов	2000
Массовое сознание против народной мудрости, или Чего не хватает петербуржцам для полного счастья?	Н. Соколов, Центр социологических исследований факультета социологии СПбГУ	2000

Табл. 2 (окончание)

Петербуржец как дачник и огородник — штрихи к портрету владельцев загородной недвижимости	Д. Гавра, Н. Соколов, Центр социологических исследований факультета социологии СПбГУ	2000
Изменения в уровне жизни и социальная атмосфера	Т. Протасенко, В. Ревтова, СПб филиал Ин-та социологии РАН	2000
Долг петербуржцев за жилье продолжает расти. Кто виноват и что делать?	Н. Корнев, Е. Евдокимова, СПб филиал Ин-та социологии РАН	2000
Некоторые аспекты восприятия населением «женской» темы в контексте социально-экономических изменений	Т. Протасенко, В. Ревтова, СПб филиал Ин-та социологии РАН	2000
Социальные координаты наркотизма	Л. Кесельман, М. Мацкевич, Центр изучения и прогнозирования социальных процессов	2001
Доступность жилищной компенсации семьям с низким доходом и развитие ситуации с их задолженностью в 2000 г.	Н. Корнев, СПб филиал Ин-та социологии РАН	2001
Локализация ответственности и адаптация к постсоветской действительности	М. Мацкевич, СПб филиал Ин-та социологии РАН	2001
Петербуржцы о частной собственности на землю: идеологические штампы, политико-экономические ориентации, хозяйственные практики	Е. Рыбина, Т. Вычик, С. Дамберг, Н. Соколов, факультет социологии СПбГУ	2002
Актуальные проблемы реформы государственной власти	А. Клюев, М. Кашина, И. Древал, Северо-Западная академия государственной службы	2002
Доступность первичной медицинской помощи в оценках петербуржцев	Л. Панова, Социологический ин-т РАН	2002
Физическое здоровье и бедность: функциональное взаимодействие или механизм сегрегации?	Н. Соколов, С. Сербина, факультет социологии СПбГУ	2002
Жизнь рабочих на питерском предприятии	Б. Максимов, Социологический ин-т РАН	2002
Варианты экономического поведения и социально-психологическая адаптация групп населения Санкт-Петербурга, связанных с оборонным комплексом	И. Травин, Е. Евдокимова, С. Игнатова, Г. Еремичева, Ю. Манько, Социологический ин-т РАН	2002

Таблица 3

Публикации в рубрике «Масс-медиа, реклама»

Рейтинг телевизионных программ среди населения СПб с душевым доходом 200 долларов и выше	СНИЦ	1997
Рейтинг газет	Независимый аналитический центр	1997
Тематический анализ программ телеканалов	А. Илле, редакция журнала	1997
Рейтинг радиостанций	СНИЦ	1997
Телевизионная аудитория Санкт-Петербурга	Соц. отдел дирекции общественного мнения ГТРК «Петербург — Пятый канал»	1998
Контент-анализ художественных фильмов, демонстрируемых на общероссийских каналах	А. Илле, редакция журнала	1998
Рейтинги и характеристики аудитории деловых газет среди населения с душевым доходом 200 долларов и более	СНИЦ	1998
К вопросу о выборе издания для рекламы	Исследовательская фирма «ЭКРО — RG»	1998
Объект исследования — рынок СМИ	Исследовательская фирма «ЭКРО — RG»	1998
Как увеличить прибыль с помощью рекламы	Д. Корсаков, РА «Норма»	1998
Новая российская газетная пресса: типологическая структура и ее изменения (1988–1997 гг.)	А. Алексеев, СПб филиал Ин-та социологии РАН	1999
Весь мир у ног женщин!.. (информационные предпочтения женщин)	Исследовательская фирма «ЭКРО — RG»	1999
Аудитория газет и радиостанций	А. Чагин, СНИЦ	1999

Табл. 3 (окончание)

Динамика развития рынка газет	ИФ «ГОРТИС»	1999
Аудитория СМИ	А. Чагин, СНИЦ	2000
Газеты и журналы как рекламоносители	Исследовательская фирма «ЭКРО — RG»	2000
Радиорынок Петербурга	В. Москвина, «ГОРТИС»	2000
Аудитории СМИ в Санкт-Петербурге	ИФ «Комкон СПб»	2000
Джордж Гэллап: «Мне всегда нравилось изучение рекламы»	Б. Докторов, независимый исследователь (США)	2000
Радиорынок Санкт-Петербурга	В. Москвина, «ГОРТИС»	2001
Аудитория газет	С. Исаев, СНИЦ	2001
Обзор рынка прессы в Санкт-Петербурге	Н. Туманова, ИФ «Комкон СПб»	2001
Телевизионная реклама: к вопросу об эффективности	А. Казанцев, «СНИЦ»	2002
Реклама алкоголя в прессе	А. Волков, В. Жигулин, ИФ «ГОРТИС»	2002
Обзор рынка прессы в Санкт-Петербурге	М. Подушко, ИФ «Комкон СПб»	2002
Российские журналисты — кто они?	Т. Протасенко, В. Ревтова, Социологический ин-т РАН	2002
Рынок прессы в Санкт-Петербурге	В. Москвина, ИФ «ГОРТИС-МИК»	2002
Ночь пожирателей рекламы	З. Сланова, РА «ТВИН Медиа»	2002
Радиостанции Санкт-Петербурга	В. Москвина, «ГОРТИС-МИК»	2002
И телевизор в каждый дом	К. Обухова, ИФ «Комкон СПб»	2002

Таблица 4

Публикации в рубрике «Социально-политические исследования»

Должен ли Б. Ельцин уйти в отставку?	М. Илле, СНИЦ	1997
Партийные симпатии жителей Санкт-Петербурга	Т. Протасенко, О. Фадеева, СПб филиал Ин-та социологии РАН	1997
Контент-анализ предвыборных обещаний кандидатов в депутаты в органы местного самоуправления	М. Духовный, А. Малышев, Центр избирательных технологий СПб общества «Знание»	1997
Конец 1997 г.: позиции губернатора Санкт-Петербурга достаточно устойчивы	Д. Гавра, Н. Соколов, Центр соц. исследований факультета социологии СПбГУ	1998
Никто не даст нам избавленья... (экономический кризис в общественном мнении петербуржцев)	Независимый аналитический центр	1998
Выборы в Законодательное собрание начинаются	Независимый аналитический центр	1998
К портрету идеального кандидата в депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга образца 1998 г.	О. Божков, СПб филиал Ин-та социологии РАН	1998
Сторонники и противники губернатора Санкт-Петербурга В. Яковлева: наброски социальных портретов	Д. Гавра, Н. Соколов, Центр соц. исследований факультета социологии СПбГУ	1998
Год после кризиса: изменение политических симпатий петербуржцев	Т. Протасенко, В. Ревтова, СПб филиал Ин-та социологии РАН	1998
Кто решит судьбу думских выборов в Санкт-Петербурге? Эскиз портрета потенциального электората	Д. Гавра, Н. Соколов, Центр соц. исследований факультета социологии СПбГУ	1999
Выборы-99: первый прогноз результатов голосования петербуржцев по партийным спискам	С. Исаев, СНИЦ	1999
Готовность к насилию в Санкт-Петербурге	Д. Гавра, Н. Соколов, Центр СИ факультета СПбГУ	1999

Табл. 4 (окончание)

Выборы в Государственную Думу — 99 на страницах петербургских СМИ	А. Илле, редакция журнала	1999
Социологическая поддержка избирательной кампании: условия эффективности	Р. Могилевский, ГЭЛЛАП СПб	1999
Ю. Лужков и В. Яковлев: социальные позиции в Санкт-Петербурге, сравнительный анализ	Д. Гавра, Н. Соколов, Центр соц. исследований факультета социологии СПбГУ	1999
Расстановка сил накануне старта гонки «Дума-99»	СНИЦ	1999
Социально-структурные координаты губернаторской кампании в Санкт-Петербурге	Л. Кесельман, М. Мацкевич, Центр изучения и прогнозирования социальных процессов	2000
К вопросу о сегментации политического рынка и позиционирования В. Яковлева и В. Матвиенко на выборах губернатора Санкт-Петербурга	В. Карасев, ГЭЛЛАП СПб	2000
Политическое сознание пожилых петербуржцев: опровержение стереотипа единообразия	Д. Гавра, Н. Соколов, М. Мельник, А. Минаков, Центр соц. исследований ф-та социологии СПбГУ	2000
Начало 2000-х: отношение петербуржцев к Америке (США)	Б. Докторов, независимый исследователь	2002
Социально-структурные координаты политического сознания жителей Санкт-Петербурга	Л. Кесельман, М. Мацкевич, Центр изучения и прогнозирования социальных процессов	2002
К проблеме консолидации политической демократии в России	В. Сафронов, Социологический ин-т РАН	2002
Поколенческая трансформация политического сознания	Л. Кесельман, М. Мацкевич, Г. Васильев, Центр изучения и прогнозирования социальных процессов	2002
Российские консерваторы — кто они?	А. Илле, аспирант фак-та социологии СПбГУ	2002

Таблица 5

Публикации в рубрике «Потребительский рынок»

Петербургский рынок хлебобулочных изделий	БизнесЛинк Консалтинг	1997
Санкт-Петербургский рынок фасованной муки	ИФГ «Ленстройматериалы»	1997
Рынок газированных напитков	«ТОЙ-Опинион»	1997
Петербургский рынок рыбы	БизнесЛинк Консалтинг	1997
Рынок рыбных продуктов Санкт-Петербурга	А. Осиик, ИФ «СТОИК»	2000
Петербургский рынок пива	«ТОЙ-Опинион»	1997
Состояние рынка овощей в Санкт-Петербурге и Лен. области	Агриконсалт	1998
Рынок растительных масел	А. Тихонова, БизнесЛинк Консалтинг	1999
Рынок натурального кофе Санкт-Петербурга	«ТОЙ-Опинион»	1998
Российский рынок алкогольных напитков: проблема измерения	Н. Соколов, И. Семак, Центр соц. иссл. факультета социологии СПбГУ	1998
Исследование алкогольного рынка Санкт-Петербурга	Н. Горячева, СПб филиал Ин-та социологии РАН	2000
Можно ли пить заводскую водку?	Г. Шерстнев, Центр исследований и консалтинга ИМИСП	2001
Рынок хрустящей продукции (сухие завтраки и закуски)	Е. Андреева, И. Евсикова, ОАО ПО «Ленстройматериалы»	2001
Рынок продуктов быстрого приготовления Санкт-Петербурга	В. Васильев, «ТОЙ-Опинион»	1999
Рынок маргарина Санкт-Петербурга	А. Кропотов, «ТОЙ-Опинион»	1999
Рынок соков Санкт-Петербурга	А. Кропотов, «ТОЙ-Опинион»	2000
Люблю я макароны (обзор рынка макаронных изделий Санкт-Петербурга)	Е. Андреева, И. Евсикова, ЗАО «Ленстрой-инвест-менеджмент»	2000
Рынок оливок в Санкт-Петербурге	Р. Краснов, «ТОЙ-опинион»	2002
Петербургский рынок майонеза	А. Чагин, ИФ «СНИЦ»	2002

Табл. 5 (окончание)

Петербургский рынок пельменей	А. Кропотов, «ТОЙ-Опiniон»	2002
Рынок товаров для ремонта квартир	«ТОЙ-Опiniон»	1998
Исследование рынка напольных покрытий	Е. Андреева, Управление маркетинга ЗАО «Ленстрой-инвест-менеджмент»	1998
Рынок строительных материалов Санкт-Петербурга	С. Салкуцан, «ТОЙ-Опiniон»	1999
Перспективы использования нетрадиционных строительных материалов на рынке Санкт-Петербурга	Е. Андреева, А. Мендус, ЗАО «Ленстрой-инвест-менеджмент»	2000
Встречают по фасаду... (обзор рынка фасадных красок СПб)	Е. Андреева, Е. Шахаева, ЗАО «Ленстрой-инвест-менеджмент»	2001
Рынок галстуков СПб	РА «Прайм»	1997
Рынок меховых изделий Санкт-Петербурга	Е. Андреева, В. Добрин, ЗАО «Ленстрой-инвест-менеджмент»	1999
Особенности национального рынка одежды	С. Салкуцан, «ТОЙ-Опiniон»	1999
Петербургский рынок стиральных порошков	СНИЦ	1998
Анализ покупательских предпочтений по мебели	БизнесЛинк Консалтинг	1998
Особенности потребительского спроса на мебельном рынке	С. Салкуцан, «ТОЙ-Опiniон»	2000
Обзор рынка косметики Санкт-Петербурга	ИА «Бинк»	1999
Рынок недвижимости Санкт-Петербурга: планы и предпочтения потребителей	Е. Андреева, В. Добрин, ЗАО «Ленстрой-инвест-менеджмент»	2000
Служба «77»: доставка товаров на дом	Е. Андреева, А. Мендус, ОАО «ПО Ленстройматериалы»	2002
Оценка параметров деятельности в сфере коммерческих маршрутных пассажирских перевозок в Санкт-Петербурге	А. Вейхер, ЗАКС СПб; Д. Даугавет, Центр иссл. рыночной среды; Д. Баденко, ВШЭ, СПб филиал	2002

Ну и напоследок в табл. 6 представим публикации, характеризующие в той или иной степени культурную жизнь петербуржцев. Отметим, что в этом направлении активно работала редакция журнала.

В 2001–2002 гг., в преддверии приближающегося юбилея города, у «Телескопа» был совместный исследовательский проект с компанией «Той-Опинион», который назывался «Петербуржцы о городе и горожанах». В нескольких телефонных опросах, проводимых «Той-Опинион», бесплатно вставлялись вопросы по тематике этого проекта, полученные результаты публиковались в журнале.

Интересом пользовался и проект журнала в 1997–1998 гг. по изучению предпочтений горожан при покупках книг, аудио-, видеокассет, компакт-дисков.

Как видно из приведенной таблицы, в изучении проблем культурной жизни горожан активно участвовали социологи, как из академической сферы, так и из вновь возникших независимых исследовательских организаций. Спектр изучавшихся вопросов также достаточно широк: это и размышления об образе города и горожанина, о том, какой Петербург нам нужен; это и исследования круга чтения и включенности населения в театральную и концертную жизнь города и многие другие проблемы.

Подводя итог всему сказанному ранее, можно с определенной уверенностью утверждать, что заявленная в начале статьи цель сохранения и описания повседневной жизни горожан в первые годы издания журнала была выполнена. Опубликованные результаты показывают, какие проблемы волновали петербуржцев, каковы были их политические взгляды и настроения, как они оценивали различные события в жизни страны и города, какие товары покупали, какие средства массовой информации в наибольшей мере влияли на формирование общественного мнения горожан. Нашли отражение на страницах журнала и многие другие факты повседневной жизни населения, которые вряд ли можно будет почерпнуть из других источников. Важно, что во многих публикациях раскрываются особенности поведения и массового сознания не только населения в целом, но и его основных групп: мужчин и женщин, молодых и пожилых, с высшим образованием и без оно, людей с разным социально-профессиональным статусом, разным уровнем доходов и т. д.

Если нашей цивилизации суждено существовать еще какое-то время, то историки именно из данных социологических и маркетинговых исследований будут узнавать, что заботило и тревожило людей, живших в конце прошлого и начале XXI в., какие фильмы они смотрели, какие товары покупали, каковы были их политические предпочтения и многие другие факты повседневной жизни, описание которых станет документальным свидетельством времени. И «Телескоп» внес в эту копилку знаний свой скромный, но все-таки заметный вклад.

Таблица 6

Публикации в рубрике «Культурная жизнь Петербурга»

Рейтинг продаж книг, аудио-, видеокассет, компакт-дисков	А. Илле, редакция журнала	1997, 1998
Юношество и библиотека: грани соприкосновения	В. Ялышева, Российская национальная библиотека	1997
Структура спроса на книги	И. Тимофеева, РА «Прайм»	1998
Петербургцы в театрах, на концертах и выставках	М. Илле, СНИЦ	1998
Увлечения петербуржцев	ИФ «Комкон СПб»	1998
Образ города: эссе к проблеме синтеза наук	Н. Дмитриевская, кафедра социологии и управления персоналом СПбГУЭиФ	1998
Пушкин в нашей жизни	М. Илле, СНИЦ	1999
Петербургцы и культурная жизнь города: десять лет наблюдений	М. Илле, СНИЦ	2000
Санкт-Петербург: в поисках горожанина	Н. Дмитриевская, кафедра социологии и управления персоналом СПбГУЭиФ	2001
Выдающиеся петербуржцы	М. Илле, редакция журнала, Н. Ядов, «ТОЙ-Опинион»	2001
Петербургцы. Откуда мы родом?	М. Илле, редакция журнала, Н. Ядов, компания «ТОЙ-Опинион»	2002
Какой Петербург нам нужен?	В. Ревтова, Социологический ин-т РАН	2002
Идеальные петербуржцы и москвичи в представлении жителей двух столиц	М. Илле, редакция журнала, Н. Ядов, компания «ТОЙ-Опинион»	2002
Петербургская идентичность в прошлом и настоящем	М. Рабжаева, В. Семенов, факультет социологии СПбГУ	2002
Культурный уровень петербуржцев	М. Илле, редакция журнала, Н. Ядов, компания «ТОЙ-Опинион»	2002

Илле Михаил Евгеньевич, независимый исследователь, с 1997 по 2019 г. учредитель, издатель и редактор журнала «Телескоп». Санкт-Петербург, Россия. red_tel@mail.ru

Ille, Mikhail, independent researcher, founder, publisher and editor (1997–2019) of the journal “Telescope”. Saint-Petersburg, Russia. red_tel@mail.ru

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

2022

Выпуск 17

Сайт издания: <http://www.pitersociology.ru/>
Адрес редколлегии: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, кв. 526.
Тел.: +7 (812) 316-24-96
E-mail: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *И. Ю. Карпова*
Дизайн обложки *Т. Б. Тиунова*
Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*

Подписано в печать 05.12.2022. Формат 60×84^{1/16}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,83. Тираж 300 экз.
Заказ № 295.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomesp.ru
ВКонтакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomesp.ru